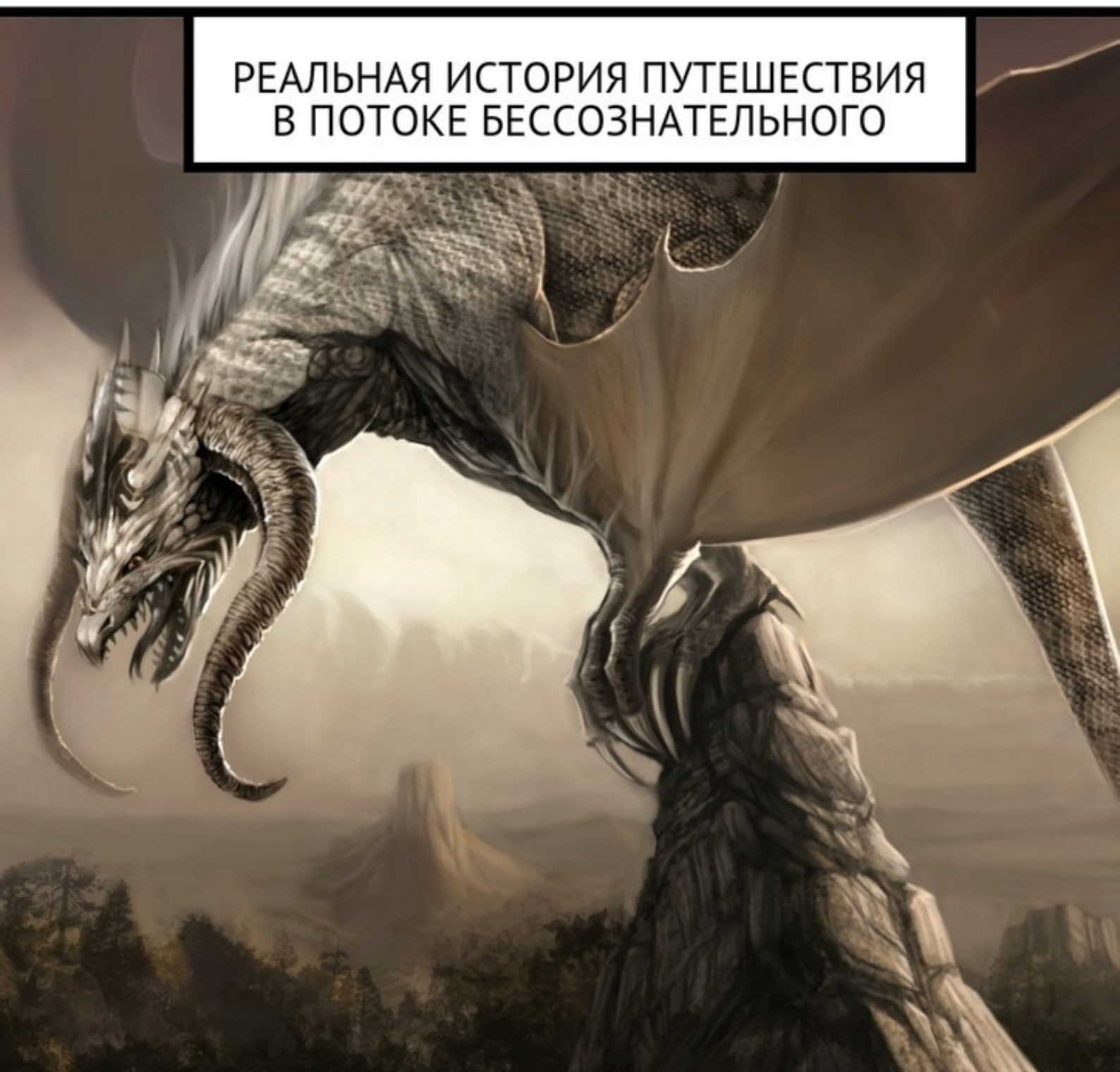

АЛЕКСАНДР СЕРЕГИН

АНХ

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ
В ПОТОКЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Александр Серегин

**Анх. Реальная история
путешествия в потоке
бессознательного**

«Издательские решения»

Серегин А. А.

Анх. Реальная история путешествия в потоке бессознательного /
А. А. Серегин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836513-3

Любой поступок влечет за собой последствия. Алекс и Макс, друзья и партнеры по бизнесу, запечатлевают на себе древний символ, что приводит их в могущественное тайное общество. Став адептами Ордена, друзья понимают, что им уготована специальная роль в разворачивающемся мистическом спектакле, но обратного пути уже нет. Как выбраться из сложившейся ситуации, разобраться в хитросплетениях корпоративных секретов и оживших древних мифов, когда тебе противостоят мощнейшие силы на планете?

ISBN 978-5-44-836513-3

© Серегин А. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I	7
Вневременье	14
Холдун Небтонович	27
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анх
Реальная история путешествия
в потоке бессознательного
Александр Александрович Серегин

© Александр Александрович Серегин, 2017

ISBN 978-5-4483-6513-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всегда будь самим собой. За исключением случаев, когда ты можешь быть драконом. Тогда всегда будь драконом (с).

Пролог

Большой зелёный орк сидел на циновке в цветущем вишнёвом саду, и крупные снежинки падали на ворох исписанных листьев пред ним. Рядом поблёскивала огромная обоюдоострая секира, воткнутая в снег. Он не спеша раскуривал костяную трубку, и на его лице читалось умиротворение и спокойная радость от проделанной работы.

Из-за дерева неслышно подошёл большой жёлтый павиан и сел рядом.

– Ты закончил историю, Шон? – спросил он.

– Да, Астену, – ответил орк, выпуская из клыкастой пасти в морозный воздух клубы табачного дыма.

– О чём она?

– О любви, о свободе, о поиске истины.

– Как и все истории, – заметил павиан.

– Да, – снова кивнул орк.

– О ком она?

– О моём отце.

Павиан кивнул и уставился вдаль.

– А для кого ты её написал? – помолчав, снова спросил он.

– Для всех, кто захочет прочесть. В ней есть ответы.

– Которые лишь родят новые вопросы, – ухмыльнулся павиан.

Орк кивнул.

Астену потянулся к рукописи, смахивая с неё снежинки.

– Я прочту её? – спросил он.

– Конечно! Кроме тебя здесь всё равно никого нет.

Астену хитро посмотрел на товарища, потом сел поудобнее и стал читать.

Часть I

Доспехи бога

Послеобеденное солнце нещадно жгло всех, до кого могло дотянуться своими яркими лучами. Солёная морская вода тоже не могла надолго освежить утомлённых зноем отдыхающих, она была почти такой же горячей, как прибрежный песок. Густой дрожащий воздух стал почти осязаемым, и слабые дуновения ветерка не приносили облегчения. Местные жители и приезжие спасались от жары и скуки в тени многочисленных питейных заведений курортного городка. пляж в это время дня был пустынным.

Лишь двое молодых людей ютились в тени раскидистой пальмы. Один из них, лет двадцати восьми, был крепко сложен и комплекцией напоминал борца. Короткие светлые волосы на бритой голове плавно переходили в недельную щетину на щеках и подбородке. Он сидел в позе лотоса, положив руки на колени, и чуть заметно шевелил губами. Его товарищ, невысокий брюнет с аккуратной стрижкой, сидел, облокотившись о ствол пальмы. Он то и дело поглядывал на наручные часы, изредка бросая нетерпеливые взгляды на «борца».

Наконец бритоголовый открыл глаза и повернулся к другу.

– А, ты здесь, Макс? Я думал, ты в кафетерий ушёл.

– Уже сходил и вернулся. Познакомился там, кстати, с одним любопытным персонажем. Он тату-мастер, но называет себя «хранителем ключей». Я не совсем понял, но он что-то там про ключи-символы говорил, что каждый символ открывает дверь в другой параллельный мир или в другое видение мира, особое мировосприятие... В общем, он как художник и одновременно как избранный эти символы выдаёт, то есть наносит на тело желающего. Я и про прайс спросил, кстати – цены приемлемые. Так вот, у него рисунок причудливый на всё тело. Он его называет «доспехи бога», как фильм с Джеки Чаном. Говорит, что в особом трансе сам его себе набил. А руку его направлял Великий Дракон, который и доверил ему ключи выдавать. В общем, колоритный типчик, местная достопримечательность.

– Ты у него отсыпать не попросил? У него должно быть что-то особенное, судя по твоему рассказу.

– Попросил, Алекс, попросил. А ещё я с ним договорился, чтоб он нам анхи набил, если ты не передумал, – Максим выжидающе посмотрел на товарища. – Он свободен сегодня, будет ждать нас в салоне через полчаса.

Алекс улыбнулся и кивнул.

– Ну, значит, с этим решили, – подытожил Максим. – Теперь осталось определиться, чем занять сегодняшней вечер. Я тут пару клубов интересных заприметил, только вот они с твоим отказом от алкоголя не сильно клеятся. Так что предлагай альтернативу.

– Я бы с удовольствием осмотрел некурортную часть города. Самое интересное обычно прячется там, где жизнь течёт естественно, без напряжения и искусственно созданной атмосферы а-ля all inclusive. Предлагаю, как спадёт жара, посмотреть, как живут местные жители. А после можем в один из твоих клубов наведаться.

Максим улыбнулся:

– Ок, сначала удовлетворим твои эстетические и познавательные позы, а потом поведемся по-настоящему. Думаю, начнём с «Исиды», а там посмотрим.

– Исиды? Это название клуба? – Алекс с любопытством взглянул на товарища.

Максим кивнул.

– Знаешь, Макс, а это очень символично!

– Символично что?

– То, что мы собираемся посетить клуб с таким названием после своеобразного получения ключа к тайному знанию – Анха. Тебе известно, что это древнеегипетский символ, форму которого рассматривали как комбинацию мужских и женских символов?

– Сань, не томи. Что ты хочешь сказать? – Максим явно страдал от жары и необходимости сосредотачивать на чём-то расплывающемся под палящим солнцем внимание.

– Символ мужского начала у древних египтян – это Осирис, а женского – Исида. Анх – магический символ мудрости, обретенной в результате инициации. Инициация же совершалась через символический союз небесного и земного, соответственно мужского и женского начал. Получается, что мы с тобой как мужское начало совершаем символический союз с женским началом, в данном случае это клуб «Исида», в результате чего получаем ключ к мудрости, который нам назовет твой новый знакомый – хранитель ключей. Каково? – Алекс с интересом посмотрел на друга.

– Ты бы прекращал медитировать на жару, Санёк. Мне кажется, что местное солнце плохо влияет на твоё сознание.

– Но ведь интересно получается, Макс! Мы решаем запечатлеть на себе этот знак, чтобы символически приблизиться к истине, тайному знанию, а получаем целую инициацию! Помоему, красиво срослось.

– Хорошо, согласен – красиво! Только ключ этот мы почему-то получаем до инициации.

– Ну, а во время инициации мы его как бы активируем, – нашёлся Алекс.

– Активируем... Ок. А теперь мы можем убраться из-под этой пальмы и пойти к татуировщику? Там, надеюсь, попрохладней.

– Да, пойдём, только в номер заскочим по дороге, – Алекс поднялся на ноги и стал сворачивать покрывало. – Кстати, ты не знаешь, откуда здесь пальмы? Ведь это не естественная среда обитания для них.

– Ага, узнал недавно по случаю. Видел, как одна приезжая мужская особь с криком «Тагил» влезла на такую. Пальма легла, как неваляшка, ткнув непрошеного гостя головой в песок. Он потом полчаса по пляжу бегал, управляющего искал. Обещал в Гаагский суд обратиться за то, что ему пальму ненастоящую подсунули. Как оказалось, эти пальмы в местном ботаническом саду в кадках выращивают. А управляющие прибрежных отелей их на лето арендуют и в песок вместе с кадками вкапывают, для придания большей экзотики своим пляжам. Пляжи-то платные, как ты сам мог убедиться. «На шару» не позагораешь. Вот управляющие и стараются, чтобы их территория более привлекательной казалась, чем у соседа, – Максим скривил презрительную физиономию, перебросил через плечо пляжную сумку и направился в сторону отеля.

– Ну и как? Потерпевший управляющего самого в кадку не закатал? Судя по твоему описанию, суд Линча для него предпочтительней Гаагского, – заметил Алекс, нагоняя товарища.

– А управляющий так и не нашёлся, – ухмыльнулся Макс. – Охота ему с неандертальцем по поводу пальмы спорить. Всё равно проспорил бы.

Спустя минут сорок Алекс и Макс подходили к двери тату-салона, находящегося в нелюдной подворотне, куда праздно гуляющий турист мог забрести только по чистой случайности. Алекс подумал, что это довольно странный выбор места для такого заведения, но свои сомнения на этот счёт решил оставить при себе. Витрина салона была исписана разноцветными надписями на английском, суть которых заключалась в привлечении потенциальных клиентов, которые почему-то всё-таки забрели в эту подворотню, ну и как минимум знали английский. Дверь вела в полуподвальное помещение с кофейным аппаратом и двумя кожаными диванами вокруг невысокого стеклянного столика. Стены помещения были густо увешаны фотографиями различных частей человеческого тела, покрытых татуировками, а само помещение, очевидно, служило местом, где клиенты могли выбрать себе рисунок и дождаться своей очереди

на приём к кольщику. Отсюда вела дверь в ещё одну комнатку, откуда вынырнул раздетый до пояса парень лет тридцати и приветливо махнул Максиму и Алексу. Его тело, насколько можно было видеть, было покрыто переплетающимися причудливыми рисунками, которые подбирались к самому лицу их владельца. «Видимо, это и есть «хранитель ключей», – подумал Алекс.

– Ага, пришли! – то ли вопросительно, то ли утвердительно заметил кольщик. – Проходите, садитесь, выбирайте рисунки. Меня зовут Арно, и я лучший в своём деле.

– Мы хотим анхи набить, – напомнил Максим.

– Да, конечно, анхи! Только какие? Вон в том альбоме посмотрите, там этих анхов как цыган в горах, – тараторил кольщик, усаживая товарищей за стол и подвигая к ним кипу каталогов с рисунками.

Алекс придвинул к себе альбом, в котором должны были быть анхи, и перелистнул несколько страниц. Вариантов было действительно много, даже слишком. Выбрать из такого широкого ассортимента сложно, а выбирать долго. Поэтому Алекс решил довериться шестому чувству и стал быстро перелистывать страницы, ожидая, что взгляд сам зацепится за лучший вариант. Так и получилось: где-то между сороковой и пятидесятой страницами нашёлся рисунок, который привлёк внимание Алекса. Это был стилизованный, с как бы резным узором Т-образный крест с отверстием в перекрестии, куда было вдето верхнее кольцо. Крест выглядел аккуратно и с претензией на стиль.

– Я, вроде, выбрал, – громко сказал Алекс, обращаясь к кольщику, вышедшему в соседнюю комнату.

– Какой номер? – крикнул в ответ Арно. – Там под рисунком должны быть цифры.

– У 2625. Между ними плюс, если это важно.

– Неважно, – Арно застучал по невидимым клавишам, очевидно, вводя номер в компьютер. – Проходи сюда, будем работать.

Алекс встал из-за стола, кивнул Максиму, который с озабоченным видом придвинул к себе каталог, и прошёл в смежную комнатку, где должно было свершиться таинство. По крайней мере, Алекс относился к этому действию именно так, со всей серьёзностью и осознанием момента. Иначе было просто не интересно.

Комнатка была действительно небольшой. Всё пространство в ней занимали два стола у стены, сдвинутые буквой «Г», кожаное кресло с подлокотниками, кожаный пуфик, маленький передвижной столик и крутящийся стул на колёсиках, на котором сидел Арно. На одном из столов громоздился огромный монитор, совершенно выбивающийся из всего остального интерьера, клавиатура с мышкой и большой рулон бумажных палатенек. На втором стояли ящик с инструментами, какие-то коробки и многочисленные баночки с красками. На стене висел портрет самого Арно, тоже раздетого до пояса, но без единой татуировки.

Кольщик проследил за взглядом Алекса и улыбнулся.

– Маскирующая косметика, – пояснил он и хитро подмигнул Алексу.

Алекс понимающе кивнул. На самом деле ему не был понятен скрытый смысл этого портрета, но он решил не спрашивать.

– Присаживайся, – кольщик указал на кресло. – Где бить будем и какого цвета? Обычно чёрный делают, но встречаются и оригиналы.

– Чёрный, – Алекс неуверенно поглядел на Арно. – Я на шее сделать хочу, но с размером не уверен. Небольшой, наверное... Так, чтобы смотрелось хорошо.

Арно повернулся к монитору, немного постучал по клавишам, и на экране показался мужской затылок с редкими рыжими волосами. Ниже, на шее рыжего натурщика, красовалась татуировка в виде следа от ботинка с рифленным протектором.

– Так... Этот, наверное, великоват, – кольщик несколько раз щёлкнул мышкой, и на экране появилась загорелая девичья шея с изображением небольшого конопляного листа.

– Да, – сказал Алекс, – вот такого примерно размера.

– Окей, – произнёс тату-мастер и снова застучал по клавишам.

Пока он распечатывал рисунок нужного размера и совершал другие подготовительные действия, Алекс разглядывал причудливые узоры, покрывающие его тело.

– Это и есть «доспехи бога»?

Арно кивнул.

– Говорят, ты их сам наколол?

– А ты сомневаешься? – улыбнулся кольщик.

– Нет, но... Странно как-то... – Алекс неуверенно пожал плечами. – А на спине как?

– На спине не сам, – Арно повернулся к Алексу. – Так, теперь повернись спиной и голову наклони немного. Да, вот так.

Арно приложил к шее Алекса листок бумаги с рисунком и потёр его свободной рукой. Затем аккуратно отклеил листок, взял со стола телефон и сделал снимок на телефонную камеру.

– Вот так примерно будет выглядеть. Устраивает?

Алекс поглядел на экран и кивнул.

– Ага, здорово!

– Будет ещё лучше, – пообещал кольщик.

Он достал машинку и, видимо, для проверки, а может быть для театрального эффекта, дважды нажал на спусковой рычажок. Машинка отозвалась двумя угрожающими вжиками. Алекс непроизвольно поёжился. Чтобы скрыть это неуместное движение, Алекс повёл плечами в стороны и спросил:

– Люди говорят, что татуировки, которые ты делаешь, работают как ключи к другим мирам. Ты не подумай, что я оспариваю это утверждение, но я всё же не до конца понимаю, что они имеют в виду.

– Что они имеют в виду, лучше спросить у них. Я могу рассказать только, что я об этом думаю.

Алекс снова услышал жужжание машинки, теперь у самого уха, а через секунду почувствовал, как тонкие иглы стали многократно жалить его в шею, выводя на ней линии узора.

– Рисунок, – продолжал Арно, – который становится сейчас твоей частью, имеет для тебя определённый смысл. Я имею в виду не то значение символа, о котором можно прочесть в «свободной энциклопедии», и не то, что ты будешь говорить, отвечая на бестактные расспросы малознакомых людей. Я говорю о том сакральном смысле, который этот символ имеет только для тебя. Только ты знаешь, что этот рисунок символизирует, какой таинственный узор значений он несёт в себе. И вот этот смысл, это значение теперь будет постоянно влиять на тебя и через тебя на твоё восприятие окружающей реальности. И эта реальность постепенно изменится и уже никогда не будет такой, какой была до этого.

– Честно говоря, я не уловил, как рисунок может повлиять на моё восприятие окружающего мира, – признался Алекс. – Может, на примере будет понятнее...

– Окей. Допустим, человек сделал себе татуировку тигра. И этот тигр олицетворяет для него те решительность, бесстрашие и стремление к победе, которые дремлют в нём.

– А откуда он знает о них, если они ещё дремлют?

– Он не знает о них. Хотя, возможно, чувствует их шевеления в себе, – пояснил Арно. – А вот его бессознательное знает об этих его скрытых качествах, оно же, кстати, и подтолкнуло человека сделать себе именно такое тату. Так вот теперь, когда этот человек обзавёлся рисунком на своём теле, он корректирует свой «образ Я» таким образом, чтобы туда вписывался и сам рисунок, и его символический смысл. Он начинает думать, говорить и поступать как человек, уже обладающий теми качествами, которые таятся в рисунке и тем самым будит их

в себе. Но это ещё не всё. Меняется человек, меняется и его отношение к миру. А это в свою очередь меняет отношение мира к нему.

– И что это значит в практическом смысле? – морщась под натиском индукционной машинки, спросил Алекс.

– Это значит, что Вселенная будет посылать ему те ситуации, которые больше соответствуют его новому образу, его мировосприятию. Перед ним появятся те двери и пути, которые раньше были от него скрыты. Но это не значит, что его жизнь обязательно кардинально изменится. Скорее, у человека появится возможность изменения. Решения всё равно принимать придётся ему самому – ответственность с него не снимается и в этом случае, – Арно весело улыбнулся.

Алекс помолчал немного, обдумывая слова тату-мастера. «Интересно, – подумал он, – какие двери открыла Вселенная тому рыжему парню с отпечатком ботинка на шее». Потом взгляд Алекса упал на висящий на стене православный крестик.

– Я слышал, что церковь против татуировок, – сказал он.

Арно пожал плечами:

– Да, я тоже слышал.

– Ну, а по-твоему... – Алекс засопел, подбирая подходящие слова. – Есть у этого табу внятное объяснение?

– А ты сам как думаешь? – Арно отложил машинку. – Есть какая-то сомнительная строчка в Ветхом Завете, сейчас попробую вспомнить.

Он говорил как бы нехотя, через силу, словно чтобы просто не обидеть клиента. Но Алекс понял, что тема эта ему не менее интересна.

– «Ради умершего не делайте надрезов на теле вашем и не накалывайте на себе писмен. Я Господь». Книга Левит, 19:28, – процитировал кольцо. – Всё остальное – допущения и домыслы. Да и в этой строчке суть довольно прозрачна: ради умерших – не надо, а так...

– И всё же, как церковь объясняет запрет на тату? – не унимался Алекс.

– Ну, объяснения у них разные есть. Но все на уровне детского сада. Во-первых, практика татуирования у них ассоциируется с оккультизмом и идолопоклонничеством. Такой, видишь ли, ассоциативный ряд у товарищей попов. Здесь, думаю, объяснять ничего не надо – на лицо страх конкуренции и боязнь потерять склонную к мистицизму часть паствы, а с ней и часть членских взносов. Это вообще, по-моему, ключевая причина. Но есть у святой церкви и другие объяснения.

Арно снова взял в руку машинку, и она, зажужжав, вонзила острия игл в шею Алекса.

– Вот это, на мой взгляд, самое интересное из них: наше тело – это храм Божий, а татуировки сей храм оскверняют. Ну, допустим. Но в таком случае проводится чёткое разделение мира материального и Божественного. И тушь, которой «оскверняется» храм, и сам храм являются чем-то отличным от Божественной природы. В таком случае всё материальное оскверняет и оскорбляет Господа, будь то церковный крест или тело святого. Потому что чем атомы, из которых состоит тушь, принципиально отличны от атомов, составляющих всё остальное? И где же тогда жить Богу, если всё вокруг – скверна? Мне более вероятным представляется, что всё сущее является проявлением природы Творца. И именно в этом смысле я понимаю один из аграфов, который звучит так: «Я не в домах из дерева и камня. Расколи кусок дерева – и Я буду там, подними камень – и там найдёшь Меня». Если же изречение из новооткрытого источника кажется недостаточно достоверным аргументом, то вот слова Иисуса из Евангелия от Матфея: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека». Думаю, что для кожи будет справедливо то же, что и для уст. По крайней мере, я не вижу существенных противоречий.

Арно остановился и промокнул салфеткой смешанную с кровью тушь, выступившую на коже Алекса.

– Мне представляется, что Бог – это свет сознания, – продолжал он, – и всё сущее соткано из этого чудесного света. И как бы лучики этого света ни преломлялись, ни переплетались в удивительном танце жизни, они не могут стать ничем иным кроме света, из которого состоят. Как может один лучик осквернить другой или сам свет, из которого создан?

Арно замолчал ненадолго, уйдя в свои мысли, а Алекс не хотел его беспокоить. Но вскоре Арно заговорил снова.

– Есть, конечно, более зрелое объяснение, почему духовные учителя могут выступать против рисунков на теле и прочих его украшений. Здесь просматривается напоминание о том, что нужно больше внимания уделять внутреннему, чем внешнему. И с эти я, конечно, согласен. Но только вот это больше похоже на лечение симптомов при прогрессирующей болезни. Не тату или пирсинг ведёт к сосредоточению на внешнем, а как раз наоборот. Сегодняшнее цивилизованное общество рождает человека, ориентированного преимущественно на достижение материальных ценностей, сосредоточенного на внешней, осязаемой стороне жизни. Думаю, что тату – это не самый болезненный симптом поразившего современное человечество недуга.

– Но вот именно этот новый человек, представляющий сегодняшнее общество и ориентированный, так сказать на внешнее, зачастую сам выступает против татуировок, ибо клякса – это особая примета.

Арно взглянул на говорившего. Незаметно подошедший Макс стоял, оперевшись о дверной косяк, и то ли брезгливо, то ли презрительно кривил губы, оглядывая комнату. В руке он держал альбом с рисунками, заложенный на нужной странице пальцем. Арно сделал ещё несколько штрихов на шее Алекса, промокнул рисунок салфеткой и придирчиво оглядел результат своей работы. Очевидно, он остался им доволен, так как его губы расплылись в улыбке, и он бойко заявил:

– Готово! Следующий! Где бить будем?

– Там же, наверное...

Макс занял освободившееся место на кресле. Когда все приготовления были закончены и по коже Максима застучали острые иглы, впрыскивая под загорелую кожу маленькие капельки чёрной туши, Арно вернулся к обсуждению морального, социального и практического аспектов нанесения татуировок – видимо, это был его конёк.

– Что касается заявлений об опасности татуировок, как особых примет, то странными мне кажутся два момента, – начал Арно, подражая интонациям Максима. – Во-первых, выходит, что те, кто это заявляет, постоянно готовы к тому, что неравён час совершат преступление, за которое их почему-то будут разыскивать по особым приметам. Это странно, так как люди обычно знают о том, собираются они совершить преступление или нет. Здесь же присутствует ощущение какого-то фатума. Как-будто человек не властен над своими поступками, и его в любой момент может бросить в уголовщину злой рок. Во-вторых, люди, которые действительно совершают преступления, живут этим и у которых гораздо больше шансов попасть в розыск, чем у других граждан, обычно без особенных опасений покрывают своё тело символами, вполне доступно для искушённого наблюдателя сообщаемыми о профессиональных пристрастиях своего обладателя. Из всего этого можно сделать несложный вывод, что подобными заявлениями человек хочет показать окружающим свою принадлежность к околориминальным кругам, тем самым поднимая свою значимость в глазах окружающих. Мне это представляется несколько жалким. А всё, что я могу сделать для такого человека, это дать ему номер знакомого психотерапевта.

– Согласен. Мне тоже эти заявления всегда казались несколько фальшивыми, – с готовностью покривил душой Макс. – А ты хорошо подкован.

– Профессия требует, – просто ответил Арно.

Ещё через пятнадцать минут рисунок на шее Максима был готов. Ребята рассчитались с мастером и прикупили у него по тюбику заживляющей мази, а тот оставил друзьям свои визитки и пригласил заходить ещё.

Вневременье

Спустя час после посещения салона Арно друзья сидели в баре с соломенной крышей и большой открытой террасой. Это было не слишком шумное заведение на маленькой улочке, в стороне от больших отелей. Плетёные соломенные кресла стояли вокруг невысоких одноногих столиков. Толстые деревянные столбы упирались в дощатый потолок, с которого свисали потемневшие от пыли гирлянды из искусственных цветов. На плоском экране телевизора, прикрученного к одному из опорных столбов, мелькали кадры культового восточного боевика начала семидесятых. За стойкой толстый усатый бармен вяло натирал плохо помытые стаканы.

Максим вальяжно развалился в кресле. Он потягивал свой любимый мохито и насмешливо поглядывал на компанию шумных молодых людей за соседним столиком. Алекс помешивал плавающие в чашке чайники, умиротворённо поглядывая на экран.

«What doesn't kill you, makes you stronger!» – навязчиво сообщил женский голос из кармана Алекса. Достав телефон, Алекс взглянул на него и поднёс трубку к уху:

– Да. Да, отдыхаем. На вывеске «Хелена» написано. Знаешь? Хорошо. Да, будем. Ок, ждём.

– Мартин едет. Говорит, что подготовил нам программу на вечер. Так что наши планы могут претерпеть некоторые изменения, – философски заметил он.

Макс скорчил недовольную гримасу, которая могла означать, что ему не нравится эта идея или что ему не нравится Мартин. Но Алекс этого не заметил – он снова уже был поглощён происходящим на экране. А там главный герой обхаживал своих неприятелей хорошо отработанными приёмами кунг-фу. Отправив ударом ноги очередного противника в нокаут, герой не без гордости сообщил: «Это дракон ударил хвостом!». Алекс помнил эту фразу с детства. Когда железный занавес рухнул и в бывший Союз хлынул пёстрый поток западных товаров и культуры, он ещё учился в начальных классах. В детских воспоминаниях Алекса пионерский галстук, значок с пылающей алым пламенем головой Владимира Ильича и поездки в летний лагерь стояли в одном ряду со жвачкой с вкладышами, Арнольдом Шварценеггером и фильмами про восточные боевые искусства. Надо сказать, что последние увлекали маленького Сашу больше всего остального. Они служили как-бы альтернативой для захлестнувшей страну волны новой нравственно-психологической направленности, вызванной превратно понятыми законами капитализма. Эта направленность заключалась в поголовном стремлении всех слоёв общества к максимально быстрому обогащению, которому, как правило, сопутствовало аморальное и преступное поведение на всех уровнях этого общества.

Воспитанному на принципах героев из книжек Гайдара, Дюма и Жюль Верна мальчику было трудно принять мораль нового времени. Но для внезапно ставших немодными ценностей, которые он уже успел впитать, нужно было найти место в новой реальности. И таким островком в бушующем море понтов, криминала и торгово-рыночных отношений для юного Алекса стал мир восточной философии и боевых искусств, с которыми он познакомился в наспех открытом видеосалоне, за символическую плату в 50 копеек.

Кроме моральной составляющей этот мир привлекал Сашу ещё и своей мистической стороной. Экзотика восточных духовных практик наполняла его жизнь красотой и смыслом, давая возможность преображать серую реальность и иногда жить другой жизнью. В глубине души Алекс считал себя избранным. Только пока не было понятно, кем и для чего. Но он был уверен, что в какой-то момент суть его предназначения откроется ему, и тогда... Что будет тогда, он тоже не знал. Но это что-то должно было быть очень значимым не только для него самого, но и для человечества в целом.

Так или иначе, но увлечение востоком сыграло в личностном становлении Алекса положительную роль. Ему удалось пройти по касательной мимо поголовного увлечения молодёжи

наркотиками. Повезло ему также не примкнуть к рядам многочисленных «торпед» и «рексов», которых вербовали прямо в спортивных клубах, где он занимался. Потом он ушёл служить в армию, а когда вернулся – наступило новое тысячелетие, в котором бандитские крыши уже сменились полицейскими, жулики всех мастей легализовались, и в стране наступила демократия.

Тогда-то он и встретился с Максимом. Чтобы поддерживать приобретённую в армии физическую форму и собственную самооценку, Алекс стал посещать местный тренажёрный зал, где тренировались районные быки, плотно застрявшие рогами в предыдущем десятилетии. На почве общей неприязни к этим представителям парнокопытных они и сдружились. Алекса привлекала в Максиме, только что получившем степень по политологии, возможность общаться с ним на темы, не касающиеся лёгких денег и дешёвых понтов. Максиму нравились Сашина уверенность в себе и независимость от модных тенденций.

Оказалось, что у них много общих интересов и похожие взгляды на складывающуюся в стране ситуацию. А когда Алекс окончил институт, где учился на психологическом факультете, друзья открыли совместный бизнес – консультативное бюро Private Evolution. Каждый занимался своим делом. Алекс вёл частную психологическую практику, проводил семинары и тренинги, основными темами которых были саморазвитие и раскрытие скрытых талантов, а также саморегуляция в экстремальных ситуациях. Максим же вёл специфические лекции с яркими названиями. Среди них были «Тёмная сторона карьерного роста», «Путеводитель по имиджевой мозаике» и «Магия оболочения». Кроме них самих в бюро на Алекса и Макса трудились ещё с полдюжины консультантов. Дела шли в гору, и жизнь представлялась яркой, а будущее многообещающим.

Когда у друзей появилось свободное время, пришли и мысли о расширении бизнеса. И сейчас они приехали на этот курорт, совмещая две цели: отдохнуть на берегу Чёрного моря, а заодно встретиться со старым знакомым Алекса и обсудить с ним варианты возможного сотрудничества.

Из задумчивого оцепенения Алекса вывел женский голос, странным образом совмещающий в себе неискреннюю радость и кокетство.

– Ребята, привет! Вы откуда? – голос принадлежал одной из трёх подошедших к столику девушек. – Мы русскую речь услышали, а ведь приятно встретить земляков!

– Привет, девчонки! – Максим, улыбаясь, как чеширский кот, жестами, но очень галантно пригласил девушек присесть.

– А нам-то как приятно! – продолжал он, ловко устраиваясь на диванчике между подружками. – Это Алекс, я Макс. И мы из маленькой, но гордой Латвии. А вы откуда?

Девушки оказались москвичками. Одну из них, обладающую монгольской внешностью и белорусским акцентом, звали Ксюшей. На вид ей было чуть за тридцать, а в облике и манере держаться чувствовалась претензия на принадлежность к светским львицам, что ещё больше выдавало в ней провинциалку. Две её подруги, Ольга и Анжела, выглядели более породисто и были лет на пять-шесть моложе.

Ксюша скользнула по друзьям профессиональным взглядом охотницы, «на ходу» оценивая стоимость одежды, маникюра, аксессуаров и возможных перспектив общения.

– Ну и как там у вас в Латвии? – спросила она, беря из рук расторопной официантки меню.

– Я слышала, что в Латвии русским по-русски запрещают разговаривать. Ужас! – встала Ольга, изобразив на лице смесь недоумения и возмущения.

– А провинившихся высылают из страны! – немного искусственно рассмеялся Макс. – На самом деле, всё не так страшно. Вопрос о признании русского языка вторым государственным действительно сейчас актуален, и разные политические силы эксплуатируют его, кто как

может, руководствуясь в основном личными сексуальными предпочтениями. Но всё происходит цивилизованно, без эксцессов.

– А вас этот вопрос совсем не трогает? – спросила Анжела, обращаясь как бы к обоим друзьям, но посмотрела на Алекса.

– Меня лично? – несколько удивлённо переспросил тот. – Да не особенно, если честно. Язык – это инструмент. И предназначен он, по-моему, для того, чтобы люди могли договариваться друг с другом. Если же такая задача не стоит в принципе, то сколько бы языков ни было, к большей сплочённости в обществе это не приведёт. А ставить язык на пьедестал, забывая о его основной функции, это всё равно, что поклоняться топору или рубанку – архаичный языческий ритуал. Который, впрочем, очень эффективен при воздействии на столь же архаичные пласты коллективного бессознательного.

Ольга с Анжелой непонимающе посмотрели на Максима. Тот в свою очередь укоризненно глянул на друга.

– Алекс имеет в виду, что нам неважно, русский язык или латышский, главное чтобы это был женский язык, сексуальный и достаточно раскованный.

Девушки кокетливо захихикали. Ксюша оторвалась от изучения меню и тоже улыбнулась.

– А чем вы занимаетесь? – спросила она у Максима.

– Сейчас? – переспросил тот. – Да вот на солнышке погреться приехали, у нас-то с этим напряжёнка. Помните, как у Пушкина: «...но наше северное лето, карикатура южных зим, мелькнёт, и нет...»?

Алекс взглянул на девушек и понял – они не помнят.

– Нет, я имею в виду вообще, по жизни чем... делаете что? – Оксана покрутила пальцем в воздухе, как-будто это могло помочь лучше понять суть сказанного.

– А, в этом смысле, – улыбнулся Макс. – У нас с Алексом небольшой бизнес.

– А насколько небольшой? – с наигранным безразличием уточнила Ольга.

– Небольшой бизнес тоже может быть очень прибыльным, – не отрываясь от меню и как бы в шутку, добавила Ксюша.

Друзья переглянулись.

– Какой плавный переход к финансовому вопросу, – ухмыльнулся Алекс.

– Да ладно тебе, Сань! Девчонки просто хотят знать, с кем они дело имеют, – сказал Макс понимающим тоном. – Сейчас это обычная практика при первом знакомстве: «Как зовут? Чем на жизнь зарабатываешь?» Чтобы время зря не тратить. Правда, девчонки?

– Зачем тогда вообще знакомиться, можно просто визитками обменяться, — задумчиво и ни к кому не обращаясь, заметил Алекс.

– А что, это идея! – весело воскликнул Максим и потянулся к кожаной наплечной сумке, лежащей на свободном кресле. – Как знал, что и здесь пригодятся!

На стол легли три одинаковые пластиковые карточки. Ксюша взяла одну из них и прочитала:

Максим Шныгин

Консультационное бюро Private Evolution

Проведение индивидуальных и групповых консультаций

Разработка специальных решений по внедрению и управлению процессами изменений

– Ничего не поняла, что вы внедряете и чем управляете?

– Мы управляем переменами! – довольно сообщил Максим.

– Их же и внедряем, – улыбнулся Алекс.

Ксюша непонимающе повертела карточку в руках и сунула её в сумочку. Немного порывшись в её недрах, она извлекла две визитки, испещренные розовыми сердечками и золотыми кольцами на белом фоне.

– Вот, – сказала она. – Если что, обращайтесь. Для вас – лучшие кандидатуры.

– Международное брачное агентство «Клеопатра», – прочёл Максим. – Соединяете сердца в рабочее время?

– И в свободное тоже! – Ольга восторженно взмахнула дорогим маникюром. – В прошлом году мы в Испании отдыхали с нашей подружкой Ирочкой. Так Ксюша ей прямо там третьего мужа нашла. Настоящий Ротшильд, кстати.

– Третьего? – переспросил Алекс.

– Да. Второй ей изменял, а первый был ужасный зануда, – затараторила Ольга. – Оба, конечно, достаточно состоятельные мужчины, но до Армандо не дотягивают. Первых двух Ирочке, кстати, тоже Ксюша подобрала. Она у нас талант!

Алексу вдруг подумалось, что это уже не сводничество, а сутенёрство. Он ещё раз взглянул на бело-розовую визитку и усмехнулся, представив на ней выведенную золотом надпись «Агентство спонсорских услуг».

– А вот и Мартин! – заметил Максим, беря из рук Ольги её визитку.

Алекс обернулся.

– Привет, дружище!

Мартин улыбнулся собравшимся и поднял руку в приветственном жесте, напоминающем одновременно римский салют и нацистское приветствие. Это был рослый смуглый болгарин лет тридцати пяти. Его торс, весь словно слепленный из бронзовых геометрических фигур, говорил о множестве часов, проведённых в спортивных залах. Мартин был в чёрной майке без рукавов и в таких же чёрных шортах. Его круглое живое лицо украшала испаньолка, а тёмные волосы были коротко острижены. На оголённых плечах и икрах ног Мартина красовались выполненные чёрной тушью портреты коммунистических вождей: Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна. Четвёртым в компании этих культовых личностей оказался ничего не знающий ни о коммунизме, ни о классовый борьбе, ни даже о плановой экономике и неизвестно как оказавшийся в этом сообществе Иван Грозный, уютно обосновавшийся на правой ноге Мартина.

– Девочки, это Мартин! – весело сообщил Максим. – Мартин, это девочки!

– Привет, красавицы! – болгарин придвинул к дивану обитый тёмно-зелёной кожей пуфик и уселся рядом с Алексом, небрежно опустив на стекло стола электронный ключ с эмблемой BMW. Этот жест немедленно произвёл на девушек положительное впечатление, что выразилось в их приветливых улыбках и обращённых к Мартину взглядах, полных искренней заинтересованности.

– Это Ксюша, Ольга и Анжела. Они москвички, – представил девушек Алекс. Потом добавил, указывая на карточки на столе. – А это их визитки, для более близкого знакомства.

Мартин непонимающе посмотрел на него и поднял руку вверх, подзывая официантку.

– Сейчас в тренде такой вид знакомства, – пояснил ухмыляющийся Макс. – Без ритуальных раскланиваний. Тупо визитками обменялись, и всем понятно, кто есть кто и сколько весит. И не надо выдумывать, как показать свою финансовую ценность и кредитоспособность.

– А зачем мне баблом светить? Я ничего не покупаю. И визиток у меня нет – я ничего не продаю, – пожал плечами Мартин.

– Мартин, а вы спортсмен? – невинно хлопая ресницами, спросила Ольга.

– Так, слежу за фигурой, – кокетливо ответил Мартин.

– А покажите кубики на животе, они у вас наверняка есть!

Мартин задрал майку и поиграл стальным прессом. Девушки восхищённо заахали. Максим нервно взглянул на Мартина и втянул живот.

– Я недавно видел фотку Емельяненко, – сообщил он, – так у него кубиков нет. Видимо, ему они не нужны.

Мартин улыбнулся.

– И тебя это утешает? – спросил он.

– Ну, нет, – Макс зло посмотрел на Мартина. – Просто, зачем себя так сушить. Это скорее прерогатива гламурных мальчиков.

– Не всем же быть такими brutальными самцами, как Максим, – парировал Мартин.

– Нет, я не...

– Не brutальный самец? – перебил болгарин. – А кто тогда? Гламурный мальчик с дряблым животом?

Пока Макс искал, что ответить, Мартин повернулся к принёсшей меню девушке, – как тебя зовут?

– Симона.

– Симона, принеси мне бутылочку «Перье», пожалуйста. И фруктов каких-нибудь.

Официантка кивнула и повернулась к девушкам.

– Выбрали что-нибудь? – спросила она.

– Пока нет, – сказала Оксана, не отрываясь от меню, которое изучала уже минут десять.

– Заказывайте, не стесняйтесь! – Алекс отхлебнул из чашки. – Мы угощаем.

Девчонки удовлетворённо переглянулись. Пока они называли Симоне наименования необходимых им напитков и закусок, Алекс разглядывал причудливую татуировку на запястье официантки. Это был символ в виде трёх закручивающихся в центр кривых, напоминающих капли. «Хвосты» этих капель своими внешними сторонами образовывали круг, а их «головы» напоминали раскрытые пасти драконов.

– Симона, вот это тату на вашей руке...

– Да? – официантка повернулась к Алексу, и ему показалось, что он увидел в её зелёных глазах насмешку и, одновременно, интерес.

– Что это за символ?

– Это томоэ. Если быть точной – мицу домоэ, – ответила девушка.

– Томоэ... А что он означает?

– Одно рождает два, два рождает три, три рождает всё остальное, – Симона улыбнулась, и Алексу снова почудилась усмешка в её глазах. – Это символ всемирной гармонии и символ мироустройства. У него много значений, и он довольно давно и широко известен. Вы наверняка найдёте по нему много информации, если поищите.

– А почему эти три – драконы?

– Потому что это ключ, – Официантка взглянула на Алекса, и ему почудилось, что она заглянула в самую глубину его души, настолько глубоко, что для неё не осталось ничего потаённого или скрытого. Всё, что он мог прятать от посторонних глаз, что его бессознательное скрывало от него самого, вдруг выползло из самых тёмных сокровенных уголков его души на яркий дневной свет, оставив его беспомощным и обнажённым под этим всепроникающим изумрудным взглядом.

Когда он пришёл в себя, девушка уже приняла заказ и ушла к стойке. Алекс посмотрел ей вслед – ничего сверхъестественного или гипнотического в её облике уже не было. Тряхнув головой, чтобы избавиться от наваждения, он уставился на экран. Но где-то глубоко, на самом дне его души, остался осадок – как будто в нём поселилась странная иррациональная тоска по чему-то очень близкому, родному, но давно и безвозвратно потерянному.

– Понравилась девушка? – с лёгким оттенком ревности спросила Анжела, кивнув в сторону стойки. С этими словами она выгнула спинку и повернулась к Алексу так, что он смог максимально отчётливо различить все достоинства её фигуры.

Алекс неопределённо пожал плечами, пробормотал что-то нечленораздельное и снова уставился на экран. Анжела обиженно надула губки.

– Что смотришь? Брюса Ли? – Мартин налил в высокий стакан шипящую, пузырящуюся жидкость из пузатой зелёной бутылки, которую только что принесли.

– Да. Путь дракона. Семьдесят второй год, – Алекс растерянно поглядел на официантку, принёсшую заказ – это была не Симона.

– Мне кажется, – сообщила Анжела, закусывая мартини изумрудной виноградинкой, – сто многие старые фильмы ужасно затянуты. Никакой динамики! Пока сцена сменится, я уже успеваю заскучать и переключить на что-нибудь другое.

– Может быть это оттого, что мы торопимся жить... Разучились наслаждаться моментом, ценить его... – задумчиво проговорил Саша. Но было заметно, что его мысли находятся далеко за пределами этого столика. А слова относятся не столько к замечанию Анжелы, сколько к поглотившим его сознание думам.

На экране замелькали быстро сменяющиеся друг друга кадры яркой рекламной вставки. Рекламный ролик настоятельно рекомендовал зрителю стать свободным и счастливым, но почему-то для достижения этой цели предлагал приобрести моющее средство местной торговой марки.

Алекс решительно встал, словно хотел стряхнуть с себя паутину задумчивости, и оглядел помещение в поисках уборной. Заметив в дальней части бара табличку с треугольными человечками, он пересёк зал, обогнул барную стойку и вошёл через вишнёвого цвета дверь в маленькое слабоосвещённое помещение. Внутри, напротив двух огороженных белой перегородкой кабинок, на кафельной стене висел умывальник в форме жемчужной раковины. Над ним висело большое и совершенно не подходящее к интерьеру зеркало в тяжёлой золотой раме. Алекс повернул вентиль смесителя и опустил голову под освежающую струю холодной воды. Дав себе понаслаждаться приятными ощущениями, он закрыл кран и взглянул на своё отражение. На зеркале, точно на уровне его лба чёрными стройными буквами была выведена надпись: *She is the key. Follow her.*

Алекс провёл мокрыми пальцами по буквам. «Ну, конечно, – подумал он, – воображение и жара. И ключи. Было бы что обсудить со стариной Юнгом, будь он до сих пор жив... Нет, не стоит искать связь между несвязанными событиями, а то ведь найдёшь на свою голову».

Возвращаясь к столику, Алекс остановился у барной стойки и, чуть наклонившись к бармену, сказал вполголоса:

– Уважаемый, я хотел бы поговорить с Симоной.

Оторвавшись от протирания стаканов, бармен тяжело глянул на Алекса, наклонил к нему своё грузное, похожее на медвежье тело и процедил сквозь зубы, обдав Сашу богатым ароматом плохо переваренной ракии и сильным болгарским акцентом:

– А я хотел бы станцевать с Моникой Беллуччи.

Алекс недовольно отшатнулся от медведеподобного бармена и чуть отвернул голову в сторону.

– А что, это проблема?

– Да. Венсан против.

– Вроде, ему уже всё равно.

– Ты у него спрашивал?

– Нет. Но я имел в виду, поговорить с Симоной – это проблема?

– Ты мне скажи, проблема это для тебя или нет, – трактирщик снова принялся за протирание стаканов, очевидно считая это своей основной и почётной обязанностью.

– Вы можете позвать Симону? – терпеливо и очень вкрадчиво повторил просьбу Алекс.

Бармен недоверчиво посмотрел на него, на секунду оторвавшись от своего занятия.

– Какую такую Симону, дорогой? У меня нет никакой Симоны.

– Официантка, которая принимала заказ у нашего столика – Симона.

– Ах, это! – бармен заметно повеселел и приветливо заулыбался в усы, отчего сделался похожим на добродушного моржа. – А я думал снова русский пришёл проституток требовать и «Тагил» кричать. Ушла твоя Симона. Она у меня не работает, приходила подругу подменять. Вроде она где-то недалеко живёт, выше в городе. Но, больше ничем не могу помочь. А что, понравилась?

– Да так, – Алекс пожал плечами. – Не понял пока.

Он повернулся в сторону столика, где Мартин, оживлённо жестикулируя, что-то объяснял девушкам. Алекс прислушался. До него донёсся недовольный бас болгарина:

– А я считаю, что интересоваться чужим достатком неприлично.

– Почему это неприлично? Детьми, здоровьем, семьёй – прилично, а достатком – нет? – Ксюша состроила невинное выражение на лице и отхлебнула шампанского.

– Потому что кошелёк человека – это очень интимное место. Образно говоря, заглядывать в него – это то же самое, что подглядывать за человеком в уборной или ещё хуже, когда он на приёме у проктолога.

– Чем же это у проктолога хуже? – полюбопытствовал Макс.

– А у проктолога становится наглядным не только содержимое... м-м-м... кошелька, но и то, как это содержимое туда попало, – Мартин многозначительно поднял указательный палец вверх.

– Мне кажется, что в наше время неприлично лишь не иметь этого содержимого, – с вызовом заметила Ольга. – А интимные вопросы как раз-таки лучше выяснять при знакомстве – меньше разочарований будет потом.

– В таком случае, девушки, во избежание последующих разочарований я тоже хочу задать вам интимный вопрос, – болгарин хитро прищурился и постучал пальцем по столику. Не видя возражений, Мартин продолжил. – Приемлем ли для вас оральный и анальный секс?

– Одновременно? – уточнила Анжела.

Ольга вспыхнула и ткнула подругу локтем в бок, та пожала плечами, словно говоря: «А что я такого сказала?». Ксюша с негодованием посмотрела на Мартина:

– Что это за вопросы? Должны же быть какие-то рамки приличия!

– Ну так и я о том же, – довольный произведённым эффектом болгарин широко улыбался.

Макс укоризненно посмотрел на товарища и, как бы ненарочно, придвинулся поближе к Ксюше.

– Всё-таки вопрос о достатке, на мой взгляд, не так неприличен, как твой.

Алекс поморщился. Он давно уже привык считать, что все моральные ценности Макса умещаются в двух рубаях Хайяма. Тех, что о вине и о девах. Также давно не удивляла Алекса и способность его друга подбирать точку зрения, словно туфли или костюм, не по убеждениям и даже не по моде, а ту, в которой он лучше смотрится. Гибкость Максима позволяла ему, не имея своего взгляда на вопрос, ловко и легко жонглировать чужими мнениями. Он принадлежал к тому типу людей, которые, посмотрев кино или прочитав книгу, спешат ознакомиться с рецензиями или другим образом обращаются к мнению окружающих, чтобы определиться со своим. Часто им даже читать или смотреть ничего не надо, достаточно лишь общего или оригинального мнения о предмете. И Макс легко выдавал чужие мысли за свои. Так легко, что тут же начинал верить в них и сам.

Алекс понимал, что блеск чешуи для Максима важнее внутренней чистоты. Как сказал Толстой, Макс был один из тех людей, которые могут быть очень приятными, если их принимать за то, чем они хотят казаться. Но с Алексом Максим бывал другим, может, поэтому они и дружили.

Алекс вдруг почувствовал, что ему не хочется возвращаться за столик. Оттягивая момент, он повернулся к стойке и вздрогнул от отвращения. Там, в луже какой-то липкой

субстанции сидели две жирные навозные мухи. Они внимательно изучали Алекса сетчатыми глазами, поблескивая в лучах солнца переливающимися зелёными спинами. При этом более жирная муха, оперевшись передними лапками в затылок другой, цинично имела её сзади, а та, нервно перебирая конечностями, казалось, изо всех сил пыталась угодить первой. Они занимались своим нехитрым делом и презрительно и брезгливо глядели на Алекса, словно спрашивая: «Чем ты занят? Разве ты не видишь, что эта липкая тёплая грязь, да ещё возможность поиметь в ней близкого – единственное, ради чего стоит жить? Неужели все твои занятия и интересы стоят возможности перекачивать в лапках эту вязкую субстанцию, которая правит миром?»

Алекс снова вздрогнул, теперь уже от этих своих мыслей. Вот он уже и мысли мух читает! Удивляясь наваждению и стараясь не привлекать к себе внимания товарищей, он прошёл к дальнему краю террасы, чувствуя на своей спине изучающие взгляды оставшихся на стойке мух, а затем быстро вышел на залитую солнцем улицу и свернул за угол. Пройдя до конца по узкой обрамлённой густой зеленью улочке и выйдя на Т-образный перекрёсток, Алекс огляделся. Слева за черепичными крышами отелей и новеньких жилых комплексов синело море, плавно переходящее в ясное голубое небо. Направо, в гору, извиваясь, убегала мощёная булыжником дорога, зажатая между нестройными рядами двух- и трёхэтажных домиков, над которыми вдали возвышался поросший ельником холм. Немного подумав, Алекс свернул направо.

Он шёл по улице, разглядывая причудливую архитектуру южного городка. Домики, как грибы, громоздились один над другим, то соединяясь в неровную зубчатую стену сказочного замка, то рассыпаясь среди деревьев отдельными строениями. В лабиринтах дворов лаяли собаки, играли дети, а под окнами домов на скамейках сетовали на жизнь неизменные старушки. По мере того, как Алекс поднимался, дома стояли всё реже, и всё чаще стали попадаться огородные и садовые участки. А вскоре дорога превратилась в тропинку, которая, попетляв между деревьями и редкими, обнесёнными чахлыми заборчиками хозяйственными постройками, неожиданно закончилась у края леса. Дальше вверх уходил крутой склон холма, довольно неудобный для подъёма. Осмотревшись, Алекс заметил чуть правее среди елей русло высохшего горного ручья, дно которого обнажало пласты породы. Эти пласты, вымытые когда-то бежавшей здесь водой, представляли собой ступени разной ширины и высоты. Подойдя ближе и зачем-то попробовав ногой на прочность нижний каменный выступ, Саша посмотрел вверх. Ручей поднимался до самой макушки холма. Оглянувшись на оставшийся внизу городок, Алекс улыбнулся и стал карабкаться вверх, напевая под нос старую армейскую песенку.

Когда он добрался до вершины, его рубашка была насквозь мокрой от пота, а душа ликovala, переживая радость победы и чувство единения с природой. Алекс повалился на спину и его взгляд окунулся в чистое, без единого облачка, июньское небо. «Так бы пролежать всю жизнь», – подумал он, ни о чём не беспокоясь и не ища в этой жизни больших радостей, чем свежесть лёгкого ветерка, запах еловых веток, да тепло солнечных лучей. Но спустя несколько минут перспектива лежать здесь вечно стала казаться однообразной и скучной. Поднявшись на ноги, Алекс повертел головой, думая, куда двигаться дальше, как вдруг заметил вдали проглядывающую за толстыми стволами деревьев бревенчатую стену какого-то строения. Подойдя ближе, он увидел стоящий на широкой поляне двухэтажный терем с розовыми ставнями и голубыми панелями у крыши. Ступени крыльца обрамляли резные перила, над которыми возвышался досчатый навес. Терем выглядел далеко не новым, но ухоженным и каким-то уютным. Во дворе за домом виднелся крытый колодец с воротом и поленница под навесом. Во всём этом ощущалось что-то сказочное, нереальное.

Алекс поднялся по ступеням крыльца и постучал в тяжёлую деревянную дверь с кованой чёрной ручкой.

– Заходи, мил человек! – донеслось из дома.

Алекс открыл дверь и шагнул внутрь. Прямо от входа начинался длинный полутёмный коридор, направо от которого уходили ряды высоких стеллажей, доверху заставленных

книгами. Слева была изогнутая лестница с перилами, ведущая на второй этаж, где виднелись такие же стеллажи. Узкий грязно-зелёного цвета ковёр с двойными жёлтыми полосами по краям тянулся по коридору, упираясь в конце в массивный дубовый стол с толстыми резными ножками. Настольная лампа с зелёным абажуром освещала сидящего за столом человека. Это был маленький старичок с взлохмаченными волосами, убранными назад и седой бородой типа old dutch. На его слегка задранном вверх носу красовались огромные очки в роговой оправе, сквозь которые он, хитро шурясь, разглядывал гостя. На нём был надет красный с большими золотыми пуговицами халат, из-под которого выглядывала майка в широкую чёрно-белую полосу. Своим видом он сильно напоминал скандинавского гнома, отчего у Алекса в памяти всплыли строчки из детского стишка:

Гном вернулся —

Дома нет.

Дом вернулся —

Гнома нет.

Дома нет,

И гнома нет,

И в лесу затерян след.

Старичок нетерпеливо заёрзал на стуле, помахал Алексу и поманил его пальцем.

– Ну, что топчешься у двери? Проходи, коль пришёл.

Алекс сделал несколько неуверенных шагов в сторону стола и спросил:

– Простите, а что это за заведение? Библиотека?

– Библиотека, да. Имени Даши-Доржо Итигэловы. А ты, мил человек, куда попасть-то хотел?

– Да никуда, вообще-то. Я случайно здесь... Хотя совпадение интересное – я как раз хотел кое о чём почитать.

– Тьфу, ты! Сектант, что ли? – старичок разочарованно развёл руками. – Это что за секта-то такая, а?

– Почему? – от неожиданности Алекс не сразу нашёл что ответить. – С чего Вы взяли?

– Ну, так, а кто тут в случайности да в совпадения верит? Вот ведь где ересь, тьфу!

– Да почему ересь-то? – Саша почувствовал нарастающее раздражение.

– Да потому, что ересь. Ты не кипятись, присядь вон, – гномоподобный старик кивнул в сторону стоящего недалеко от стола небольшого кресла. – Тебя как звать-то?

– Александр, – сказал Алекс, устраиваясь в кресле.

– Меня можешь звать Гершоном Моисеевичем. Так ты говоришь, случайность?

Саша промолчал.

– Вот, молчишь. А почему?

– Да потому, что не хочу, чтоб вы, Гершон Моисеевич, снова плевать-ся начали, – недовольно заметил Алекс.

– Стало быть, причина есть, так? – старичок выжидающе посмотрел на собеседника.

– Так.

– А если есть причина, то у неё обязательно должно быть следствие, так?

– Ну, так.

– А это следствие само по себе является причиной чего-то ещё, ещё одного следствия, так?

– Ну, в принципе, да. К чему Вы клоните?

– А я к тому клоню, – Гершон Моисеевич наклонился вперёд, словно от этого его слова должны были стать более убедительными, – что если у каждого следствия есть своя причина, а у каждой причины – своё следствие, то среди всей этой обусловленности нет решительно

никакого места для так называемых случайностей. А стало быть, вера в таковые есть не что иное, как ересь несусветная.

Алексу вдруг показалось, что сложившаяся ситуация невероятно нереальна: в одинокой библиотеке на холме, куда он взобрался по руслу высохшего ручья, дворф-еврей читает ему нравоучения о детерминированности всего сущего. Ситуация была до того абсурдной, что ему вдруг захотелось узнать, во что это может вылиться. Он поудобнее устроился в кресле и, закинув ногу на ногу, спросил:

– Хорошо, допустим, я согласен на счёт ереси. Но в таком случае, что было в самом начале? С чего всё началось?

Алекс захотел поставить самодовольного выскочку в неудобное положение, когда на любое его утверждение о первопричине, можно было бы использовать его же логику, заявив, что причина сама по себе неизбежно является и следствием чего-то. В таком случае Гершону Моисеевичу придётся либо признать, что он сам не знает, как эта взаимообусловленность устроена, либо согласиться, что существует что-то изначальное, что, являясь первопричиной, само причины не имеет. Проще говоря, Алекс решил загнать собеседника в угол, заставив отвечать на неразрешимый вопрос о яйце и курице.

Старичок откинулся на спинку кресла и сказал просто:

– Ни с чего. Не было никакого начала.

К такому ответу Алекс не был готов. Он растерянно потёр лоб и почему-то шепотом спросил:

– Как? А что было?

– Бесконечность. И не была, а есть. Есть бесконечная череда причин и следствий, которые упираются друг в друга и в себя самих. Это происходит всегда, вечно. А значит, никогда не начиналось, так как это «вечно» не имеет времени. Ведь отсчёт времени должен когда-то начинаться, а «всегда» было всегда. То есть, есть всегда. Можно даже сказать, что «всегда» есть никогда.

Алекс задумался на минуту, но потом его лицо прояснилось. Он взглянул на старичка, словно взвешивал все «за» и «против», а затем сказал:

– Но, если вы правы, выходит, что всё предопределено. Так?

Гершон Моисеевич кивнул.

– Тогда получается, что в этом мире нет свободы воли, а есть одна жёсткая необходимость. Так?

– Нет, не так.

– А как? Ведь в бесконечной череде причин и следствий для свободы воли нет места, – Саша развёл руками, показывая, что места действительно нет.

– В череде, может, и нет, а в мире есть, – старичок снял с носа очки и протёр стёкла уголком халата.

– Не потрудитесь ли объяснить? – в голосе Александра проступили язвительные нотки.

– Отчего же не объяснить. Объясню. Вот, например, ты являешься отдельным, обособленным существом со своей собственной волей и сознанием. Но одновременно ты являешься неотъемлемой частью этого мира, и подчиняешься его законам. Кроме того, ты также являешься совокупностью огромного количества взаимодействующих между собой клеток, каждая из которых живёт своей собственной жизнью. И всем этим ты являешься одновременно и прямо сейчас.

Алекс выжидающе смотрел на седого библиотекаря.

– Когда ты отдельное существо, то тут со свободой воли всё примерно понятно – ты принимаешь какие-то решения, как-то влияешь на происходящее вокруг. В общем, проявляешь сильную активность. Но когда ты масса беспокойно роящихся атомов или, например, капля

в океане вселенной – тут уже, как сейчас говорят, рулит закон причинности. Но как первое, так и второе, и третье происходит одновременно.

– Знаете, Гершон Моисеевич, – задумчиво проговорил Алекс, – что-то пока не очень понятно.

– Ну, хорошо, возьмём другой пример. Допустим, день и ночь – это взаимоисключающие понятия. То есть одновременно в одном месте существовать не могут. Пока понятно?

– Вы издеваетесь? – Алекс соорудил оскорбленную физиономию.

– Нет. Слушай дальше. Теперь представь, что это наша планета, – старик ловким движением фокусника извлёк откуда-то синий ёлочный шарик и, держась за кончик привязанной к нему длинной нитки, покачал им перед лицом собеседника. Затем другой рукой поднял со стола лампу и поводил шариком вокруг абажура. – Земля наша уже как со времён старика Галилея вертится, подставляя бока под солнечный свет. И видишь, что происходит?

Гершон Моисеевич поставил лампу на стол, а затем щёлкнул по ёлочной игрушке пальцем так, что она с бешеной скоростью закрутилась вокруг своей оси.

– День бежит за ночью и от неё вокруг земного шарика. И нельзя с уверенностью сказать, день сейчас в какой-то его точке или ночь. А можно так же сказать, что сейчас в любой его точке одновременно и день, и ночь. И выбор между этими двумя понятиями обусловлен исключительно нашим восприятием. А воспринимаем мы то, на что нацелено наше внимание.

Библиотекарь выдвинул свободной рукой ящик стола и убрал шарик.

– Проще говоря, – продолжал он, – наша свобода воли проявляется как раз в этом выборе – на что нам направлять наше внимание. А всё, что находится за этим выбором, жёстко подчинено закону причины и следствия. Более того, если на эту обусловленность направлять внимание, то кроме неё ничего другого и нету. Но если посмотреть на то, что ничего нет вообще, то и причина со следствием тоже исчезают.

Алекс почувствовал, что проваливается в лёгкий транс. Он тряхнул головой и потёр руками лицо. Говорить не хотелось.

– Хочешь чаю? – просто спросил старик, щёлкнув выключателем электрического чайника, стоящего на полу позади стола.

Саша кивнул и снова уставился отсутствующим взглядом на носки своих туфель.

– Что, небось, про случайности думаешь? – усмехнулся библиотекарь, доставая чашки и блюдца из стоящей с краю от стола тумбочки.

– Да я вот вроде понимаю логически, о чём вы говорите. Но представить, осознать все эти бесконечности и вневременье никак не получается. Нереально как-то всё, – признался Алекс.

– А нетренированному уму этого и не осознать. Но ты, я гляжу, ум-то тренируешь, медитируешь. Только на жару, поди, – хитро улыбнулся Гершон Моисеевич.

Алекс встрепенулся и недоверчиво поглядел на него.

– Откуда вы знаете, что я медитирую? И про жару?

– Кто ж про жару не знает? От неё уже никому спасу нет. А про медитацию, так вон же у тебя чётки из кармана торчат.

Алекс нащупал рукой свисающую через край кармана нить с нанизанными на неё бусинами и заправил её обратно в карман. Но ощущение какой-то неправдоподобности объяснения, какого-то подвоха осталось. Он внимательно посмотрел на старого библиотекаря в странном халате, потом перевёл взгляд на стол, на котором рядом с лампой лежала стопка папок и тетрадей, и пробежал глазами по заголовку верхней папки. Обманчиво знакомые буквы кириллицы не складывались в знакомые слова – надпись была на болгарском. И тут Алекса осенило, он понял, что его смущало во всей этой ситуации с самого начала.

– Послушайте, а почему вы со мной сразу по-русски заговорили?

– Так ты что, по-болгарски понимаешь? – удивлённо спросил Гершон Моисеевич.

– Нет, но вы-то об этом не знали. А когда я постучал, вы пригласили меня войти по-русски, – настаивал Алекс. – Почему вы решили, что я не болгарин, например, или ещё кто?

– Ну, во-первых, сейчас всё побережье по-русски говорит, потому что только русские да казахи здесь недвижку покупают. То ли запасной аэродром готовят, то ли плацдарм для очередной аннексии. А во-вторых, ты, когда по ручью карабкался, песенку про береты пел и про вертолёты-пулемёты. Тебя вот Кондратий и услышал, когда покурить выходил. Сказал, поёшь ты задорно, от души, – старик улыбнулся.

Алекс задумчиво потёр лоб. Гершон Моисеевич перегнулся через стол, протягивая гостю чашку с только что заваренным чаем.

– На, вот, – старичок лукаво глянул Саше в глаза. – Ты, вроде как, спросить что-то хочешь, так ты не стесняйся, спрашивай.

Алекс пожал плечами.

– А что это за библиотека? И почему в таком месте?

– Раньше здесь неподалёку санаторий был, для детей с лёгочными заболеваниями. У нас тут воздух лечебный – море, горы, хвойный лес. Вот сюда со всего Союза дети полечиться да отдохнуть и приезжали. Для них библиотеку и справили, – библиотекарь уставился куда-то поверх головы Александра, почесал бороду и хмыкнул. – Правда, в основном детки всяких партийных шишек приезжали. Но как-то один бурятский лама с нашим руководством на одном теннисном корте встретились. Не знаю, о чём они там поговорили, но только после этого разговора к нам на всё лето дети из Бурятии приехали воздухом дышать. А библиотеку эту переименовали. Была раньше имени Владимира Ильича Ленина, а стала имени Пандито Хамбо-ламы XII Даши-Доржо Итигэловы. Вот такие дела, да.

– А сейчас что с этим санаторием?

– С распадом Союза дети из теперь уже бывших советских республик приезжать перестали, нашим тоже почему-то не понадобился... В общем, здания снесли, а на территории построили жилой комплекс с элитными апартаментами. Сейчас их, насколько я знаю, прибалтийские дельцы пытаются распродать приезжим казахам да россиянам.

– А библиотека теперь к чему относится?

– Да ни к чему. Про нас вроде как забыли, – прихлёбывая из чашки, сказал старик.

– А на какие деньги она содержится тогда? – не унимался Алекс.

– Деньги-то приходят, что самое интересное. Какая-то фирма регулярно перечисляет нам на счёт... определённую сумму. Но этим Кондратий заведует. Он у нас кем-то вроде завхоза и бухгалтера в одном лице. Ты б его и спросил, раз такой любопытный. Да только он в город уехал, будет вечером поздно.

У Алекса в кармане зазвонил мобильный. Он посмотрел на Гершона Моисеевича, извиняющимся взглядом и приложил телефон к уху.

– Эй, ты, где пропал, дружище? – услышал Алекс весёлый голос Мартина.

– Я в библиотеке...

– Шутишь? Ты б ещё в вязальный кружок записался – топовая тема для курортного отдыха. Ладно, мы сегодня приглашены в одно местечко, хочу вас с Максом там с интересными людьми познакомить. Так что ты давай, книжку дочитайвай и возвращайся. Через часок-полтора поедем уже.

– Хорошо, только мне в номер нужно будет заскочить, переодеться.

– Ну, так давай там тогда и встретимся. Ок?

– Ок, – ответил Алекс и нажал «Отбой».

Библиотекарь поставил чашку на стол и поправил очки.

– Так что ты там почитать-то хотел? Аль забыл уже?

– Да... Я хотел какую-нибудь информацию найти... – Алекс покусал губу, пытаясь сформулировать запрос. – Про один символ... Томоэ называется. Говорят, он довольно известный.

Я сегодня такой видел, с драконами. В общем, что-то о символах почитать хочу. Энциклопедию какую-то, что ли.

Библиотекарь задумчиво побряхтел, потом взял толстую тетрадь из стопки и стал искать в ней что-то, перелистывая расчерченные в таблицы листы. Таблицы были густо исписаны мелким убористым почерком. Затем он отложил эту тетрадь и достал другую, потоньше.

– Знаешь, – сказал он, наконец. – Это вообще библиотека детская. У нас тут сказки в основном, рассказы всякие, да повести приключенческие. Но на твоё счастье есть у меня одна работа, которая тебя заинтересовать может. Её один паренёк написал во время лечения, как раз из тех, что из Бурятии приезжали. Ага, вот она. Б-1604. Сейчас принесу.

Гершон Моисеевич встал из-за стола, протопал до лестницы, ведущей на второй этаж, и неожиданно резво взбежал по ней наверх. Через несколько минут он вернулся, держа в руке нетолстую стопку листов печатного текста, зажатых между двумя листами жёлтого картона и скреплённых через отверстия от дырокола красным шнурком. Сев обратно за стол, он протянул Алексу работу бурятского мальчика. На верхнем листе картона было напечатано крупным жирным шрифтом: «Скрытые хроники. Происхождение символа томоэ».

– Вот, – сказал библиотекарь, отмечая что-то в журнале. – Теперь давай документик какой-нибудь, я тебя зарегистрирую. Потом распишешься за книжку и читай на здоровье.

Когда процедура регистрации была закончена, Алекс попрощался и направился к выходу. Уже в дверях он что-то вспомнил и, обернувшись к библиотекарю, спросил:

– Так если я не буду обращать внимания на дверь, то её как бы и не будет? И я смогу пройти сквозь неё?

– Ну, попробуй, – отозвался Гершон Моисеевич.

Алекс закрыл глаза. По напряжению в его руках и теле, а также по шевелящимся губам можно было судить, что он пытается на чём-то сосредоточиться. Простояв так минуту, он решительно шагнул вперёд и стукнулся коленом о дверь. Алекс поморщился – удар был ощутимым.

– Ты не обращаешь внимания на дверь, которая есть. А нужно сосредоточить внимание на том, что её нет, – старик помахал рукой в воздухе.

Алекс помотал головой и вышел.

Холдун Небтонович

Спустя полтора часа, Алекс, умытый и переодетый в бежевые брюки и серую в мелкую вертикальную полоску рубашку сидел на заднем сиденье вишнёвого BMW X6. Он сжимал в руках подшивку, взятую из библиотеки. Из зеркала заднего обзора на него весело поглядывал сидящий за рулём Мартин. На переднем пассажирском сиденье развалился Макс, щёлкающий кнопками магнитолы. Рядом с Алексом сидел друг и земляк Мартина – бывший школьный учитель, а ныне юрист и торговец недвижимостью Сальватор. Он был худ и рыжеволос, а его карие глаза имели необычный оттенок – они казались красными, словно были наполнены кровью. А если кому-то приводилось посмотреть на Сальватора сбоку, то ему могло показаться, что в глазах адвоката пылает зарево пожара.

Алекс задумчиво смотрел в окно, на медленно уплывающие назад яркие вывески отелей и ресторанов, на лениво прогуливающихся в тени деревьев туристов, на синее чистое небо и на кусочки Чёрного моря, то и дело появляющиеся в просветах между зданиями и деревьями.

Макс нашёл устраивающую его радиостанцию и повернулся к Алексу. Поизучав его с минуту он ехидно спросил:

– Сань, а это что у тебя?

– Это? – Алекс пожал плечами. – Так... Из библиотеки.

– Ну ты даёшь, книголюб. Там, значит, не начитался. Чего ты в номере-то её не оставил?

– Думал, может, будет время... Полистать хочу.

Мартин взглянул на него из зеркала заднего вида и улыбнулся.

– Полистать... Сбежал, ничего друзьям не сказал, – не унимался Макс. – А мы волновались. Что ты там делал-то?

– Да так, с одним интересным человеком общался, – ответил Алекс и зачем-то добавил, – с Гершоном Моисеевичем.

– И о чём, если не секрет?

– Да так... У него интересный взгляд на то, что мы называем реальностью. Близкий, я бы сказал, к буддийскому.

– Бросил друзей, чтобы послушать буддийское Чудо-Юдо, – отрезюмировал Макс.

– Причём здесь Чудо-Юдо? – спросил Алекс.

– Чудо-Юдо – это удивительный еврей! – объяснил Макс и захихикал.

Алекс посмотрел на товарища, с трудом сдерживая смех, который стал прорываться сквозь его широкую улыбку. Он хлопнул ладонью по спинке кресла Максима и звонко рассмеялся. Его смех подхватили остальные, и салон автомобиля взорвался весёлым хохотом. Хотя, если разобраться, по-настоящему весело смеялись только Алекс и Мартин. У Максима смех был каким-то порывистым и нервным, а Сальватор скорее вежливо подхихикивал.

– Ну а как там у тебя прошло с Ксюшей? – спросил Алекс, отсмеявшись.

Макс довольно похлопал себя по карману, где лежали собранные им визитки девушек. – Всё в ажуре! Договорились созвониться, когда соберёмся в «Исиду». Хорошие девчонки, красавицы.

– Девчонки-то были ничего, конечно... – задумчиво произнёс Мартин. – По крайней мере, две из них. А вот Ксюша, с которой ты, Макс, об «Исиде» договаривался... Как бы так сказать... Как Алекс говорит, три раза не туда, – и Мартин весело подмигнул Алексу из зеркала.

– Что не туда? – непонимающе спросил Сальватор.

– Девушка, которая Максиму понравилась – три раза не туда, – Мартин улыбался всё шире.

– Как три раза? – непонимающе захлопал глазами Сальватор. – А куда?.. А какие были варианты?

– Понимаешь, – стал объяснять Мартин. – У Алекса есть теория на счёт слабого пола. Вообще, учёные давно уже пришли к мнению, что слабый пол – это мы, а женщины как раз таки пол сильный. Но дело не в этом. Короче, когда Всевышний хочет создать идеальную женщину, он наделяет её тремя качествами – красотой, умом и добротой. Бывает, какое-то из этих качеств у дамы отсутствует. В таком случае два других компенсируют пробел. Например, добрая и красивая, запросто может быть дурочкой, и это её совсем не будет портить. Многим именно такие и нравятся. Короче говоря, даже обладая каким-нибудь одним из этих качеств, женщина может устроиться в жизни и быть счастливой. Но новая подруга Макса, видимо, сильно нагрешила в жизни прошлой... Макса на таких так и тянет.

– Да? А тебе кто из них понравился? – Максим зло посмотрел на Мартина.

– А мне никто не понравился. Жадные, циничные, недалёкие. Только тема денег и раскрывалась.

– Да ты сам её открыл, своим ключом от «бэмки», – с вызовом сказал Макс.

– Может быть и так, – как ни в чём не бывало, проговорил Мартин. – Но когда я общаюсь с обычными девушками, не с консуматоршами, ключ от «бэмки» так на них не действует.

Макс не нашёл что ответить. Он уставился на носки своих туфель, нервно постукивая пальцами по коленке. В салоне нависло тягостное напряжение. Спустя пару минут Максим посмотрел на Мартина и спросил:

– Могу я задать тебе вопрос, связанный с твоей манерой вождения?

– Не знаю, Максим. Можешь? – Мартин плавно свернул на небольшую улочку, ведущую прочь от набережной.

– Да. Ограничение скорости при езде по городу у вас пятьдесят километров в час, но при превышении скорости до десяти километров дорожная полиция не будет штрафовать нарушителя, так? – лукаво спросил Максим.

Мартин недоверчиво глянул на товарища и неохотно кивнул.

– Это из-за погрешности радаров, – пояснил Сальватор.

Макс поднял кверху указательный палец, а затем указал им на Сальватора, подтверждая его правоту.

– У нас в Латвии, – продолжал он, – Тто же самое. Поэтому мы и ездим по городу со скоростью шестьдесят километров. То есть с максимальной скоростью, за которую не штрафуют.

Максим сделал паузу и многозначительно поглядел на Мартина. Тот никак не отреагировал.

– Ты едешь со скоростью сорок три километра в час, – Макс снова посмотрел на Мартина.

– Ну? – протянул тот.

– Почему? Почему бы не ехать быстрее, почему ты едешь медленнее, чем можно?

– А ты куда-то спешишь? – невозмутимо спросил Мартин.

– Кстати, такой феномен действительно наблюдается в Болгарии, мы ездим по городу медленнее, чем разрешено, – снова встрял бывший учитель. – И мы активно его изучаем.

– Вижу, – Макс насмешливо посмотрел на Сальватора, который сидел на заднем сиденье и был единственным, кто пристегнулся ремнём безопасности.

Все замолчали. Мартин нажал на педаль газа, обгоняя надоедливую фуру впереди. Сальватор с умиротворённой улыбкой на лице разглядывал пейзажи, пролетающие мимо. Алекс тоже посмотрел в окно. Машина теперь забиралась на хребет, вверх по серпантину. Справа стеной нависал поросший деревьями склон. Слева зияла пропасть, заполненная голубым небом, на самом дне которой виднелись черепичные крыши какого-то посёлка. Вокруг красных пятен крыш всё пространство было заполнено различными оттенками зелёного, а кое-где сверкали голубым и серебряным зеркалами прудов.

Алекс вдруг почувствовал, что чем больше он глядит туда вниз, тем больше ему хочется оттолкнуться от края обрыва и, сложив руки как крылья по бокам, устремиться вниз, сквозь

потоки ветра, к одному из этих маленьких голубых пятнышек. Свободный полёт в струях чистого воздуха – что может быть прекрасней! Ещё до того, как Алексу довелось испытать это ощущение во время службы в армии, он считал лучшей из суперспособностей комиксовых героев – умение летать. И опыт прыжков с парашютом из старого «кукурузника» не изменил его мнения на этот счёт, хотя и внёс некоторые коррективы в представления о самих супергероях. Алекс ещё раз представил, как ныряет в бездну прямо с края дороги и вдруг с удивлением отметил, что полететь вниз, даже вместе с автомобилем, абсолютно ничего не мешает. Вдоль дороги не было отбойных ограждений, какие обычно ставят на поворотах и в других местах, где есть опасность съезда автомобиля с проезжей части. Алекс снова глянул вниз: «Да, если полетишь, то до самого низа ни за что особенно не зацепишься», – подумал он.

Тем временем зелёная стена переместилась из правого окна в левое, поизвивалась там немного и вдруг закончилась. Автомобиль въехал на поросшее лесом плато на вершине хребта. Дорога шла прямо, и машина полетела по узкой асфальтовой ленте, покрытой иллюзорными лужами, словно вишнёвая косточка, выпущенная чьими-то могучими пальцами в неведомую цель. Мартин стал постепенно увеличивать скорость. Когда пролетающие за окном деревья стали сливаться в единый серо-зелёный поток, Алекс заглянул через могучее плечо болгарина на приборную панель – стрелка спидометра приближалась к отметке «200». Вжавшийся в кресло Максим не выдержал и потянул ремень безопасности.

– Мы не слишком быстро едем? – в голосе Макса слышались нервные нотки.

– Не бойся, нас здесь не оштрафуют, – нарочито спокойным голосом сказал Мартин и сильнее вдавил педаль газа в пол.

Максим с ужасом смотрел на улетающую под колёса асфальтовую змею, вцепившись в подлокотники так, что костяшки его пальцев побелели. Алекс подумал, что это уже слишком и хотел было вмешаться, но Мартин вдруг начал сбавлять скорость. Впереди появились красно-белые зонтики уличных торговцев. Автомобиль мягко подкатился к лоткам, заставленным мисками с фруктами и ведёрками с цветами и, свернув на обочину, остановился.

– Здесь можно купить самые вкусные в Болгарии ягоды, – Заговорчески проговорил Мартин и распахнул дверцу. – Кто со мной?

Алекс вышел из машины и стал рассматривать выставленные на прилавках товары. Продавцы, узнав в потенциальном покупателе русского туриста, громогласно заявляли о качестве местного товара. Здесь были всевозможные овощи и фрукты, часть из которых, как казалось Алексу, в Болгарии никогда не произрастала. Один коренастый небритый мужик в синей безрукавке хитро подмигивал, взглядами и мимикой предлагая заглянуть под лоток, где прятался зелёный пластмассовый ящик, доверху заставленный пузатыми бутылками. Очевидно, с самодельной ракией. Алекс прошёл вдоль прилавков ещё немного вперёд, и вдруг его внимание привлёк лоток, на котором стояли три разрисованные странными символами шкатулки. Парень у лотка, лет тридцати пяти, невысокий, коренастый, с длинными вьющимися волосами до плеч, складывал какие-то пакеты в спортивную сумку и, видимо, собирался сворачиваться (уже вечерело), но, заметив интерес подошедшего, снова повернулся к прилавку. Он поочерёдно открыл одну за другой шкатулки и удивлённо взглянул на Алекса.

– Сама Вселенная хочет сделать тебе подарок, друг! – радостно сообщил он Алексу и высыпал на прилавок содержимое шкатулок.

Алекс взглянул на предметы на столе – это были кусочки разноцветной проволоки, немного бисера, несколько цветных камешков и английская булавка. Он с недоверием взглянул на радостного торговца.

– Действительно? И что она хочет мне подарить? Эти твои драгоценности?

– Не спеши, друг! – парень принялся ловко скручивать кусочки проволоки и нанизывать на них бисер. – Сейчас ты увидишь моё мастерство, тебе понравится!

Смотреть на то, как его пальцы быстро и проворно соединяют рассыпанные по столу детали в единую композицию, было действительно приятно. Достав из кармана маленький тюбик с клеем, он принялся обклеивать эту композицию камешками, и Алекс с удивлением узнал в ней изящную брошку в форме цветка мака.

– Удивительно! – воскликнул он. – Так быстро, ловко... И такая красота! Сколько это стоит?

– Я же сказал, что это подарок. Вселенная так хочет, – сказал торговец и протянул брошку Алексу.

– Но почему? Откуда ты знаешь, что она этого хочет?

– Ты – последний клиент. Я уже собирался домой, и подойди ты на пять минут позже, ты меня уже не застал бы. А в моих шкатулках осталось материала ровно на одну брошку. Во всех трёх шкатулках! Разве ты не видишь тень провидения?

– Ну, теоретически, вероятность такого совпадения действительно мала, – неуверенно сказал Алекс.

– Это если верить в совпадения и вероятности просчитывать. А если быть в гармонии с Вселенной, то вероятность всегда пятьдесят на пятьдесят – или она хочет этого, или нет. Это как в анекдоте про блондинку и динозавра... Ладно, забирай брошку, а мне пора, – парень весело подмигнул Алексу и принялся укладывать шкатулки в сумку.

Алекс пожал плечами, спрятал брошку в карман и, сказав «спасибо», направился к машине.

Мартин уже успел вернуться и сидел за рулём с пакетом вишен в руках. Он закидывал ягоды себе в рот, сплёвывал косточки в ладонь и «стрелял» ими в открытое окно. Алекс задумчиво проследил за полётом очередной вишнёвой косточки, которая скрылась в пыльной придорожной траве. Вселенная рифмует саму себя, вспомнил он где-то прочитанную фразу и сел на переднее сиденье. Сзади дремал Сальватор, который вроде и не выходил из машины, рядом с ним сидел Макс. Алекс влез на переднее сиденье.

– Что купил? – поинтересовался Максим.

– Да так, сувенирчик. Продавец интересный попался...

– Что-то у тебя, Алекс, что ни человек сегодня, то либо интересный, либо удивительный, – возмутился Максим. – Мы тебя, кстати, ничем не удивляем?

– Удивляете временами. Ты, кстати, почему назад пересел?

Максим скривил недовольную физиономию.

– Потому что меня беспокоит манера езды Мартина, – Максим ткнул пальцем в спинку переднего сиденья. – А здесь, за водителем, самое безопасное место в машине.

– Почему это? – спросил Мартин, трогая машину с места.

– Потому что в случае чего водитель пытается в первую очередь спасти себя. А значит, при возможном столкновении будет выворачивать руль так, чтобы самому увернуться от удара. Поэтому сидеть за ним безопаснее всего, – Макс говорил как бы лениво, словно с трудом переплёвывал слова через губу, и с таким видом, будто объясняет недотёпам общеизвестную прописную истину.

Алекс взглянул на Мартина, тот поморщился.

– Ну а если для водителя будет важнее спасти пассажиров? – спросил Саша.

– Не-а. Хотя в обычной ситуации он и может так о себе думать, – Макс неопределённо повёл плечами. – Но в экстремальной ситуации все спасают только себя. Это инстинкт. А все эти патриотические завороты старого отечественного кино и героические потуги голливудских «крепких орешков» – утопия. Человек – животное эгоистичное, даже если этого и не признаёт.

– Мне почему-то кажется, что ты сам не веришь в то, что говоришь, – сказал Алекс.

– А может, и верит, – заметил Мартин. – Я, конечно, не психолог, но у меня есть на этот счёт теория...

– Позвольте полюбопытствовать, – Макс изобразил на лице крайнюю заинтересованность.

– В детстве, – начал Мартин, – мы точно знаем, что есть добро и есть зло. В этом для нас нет сомнений. Есть то, что делать хорошо, и есть то, что делать плохо. Нас этому учат родители, и их родители, и даже рассказанные ими нам на ночь сказки и истории. Мы уверены, что врать и обижать слабых – плохо, а оказание помощи попавшему в беду есть благо. Мы не сомневаемся, что ежедневная зарядка – залог здоровья, а алкоголь и табак – наоборот, яд. Но вот в какой-то момент понятный детский мир сталкивается с первым разочарованием. Ребёнок вдруг замечает, что отец вместо утренней пробежки открывает банку пива, а мать рассказывает позвонившей в дверь соседке, что им задерживают зарплату (которую отец вчера принёс домой), и поэтому они не могут одолжить ей денег. И отец, и мать, отвечая на неудобные вопросы ребёнка, думают не о том, как их ответы аукнутся в будущем, а о том, как бы покороче оправдаться в глазах слишком наблюдательного дитяти. И в результате ребёнок узнаёт, что сегодня суббота. А по выходным алкоголь вроде уже не такой и яд, да и отец в отличие от всяких там пьяниц и алкоголиков свою меру знает; и что эта соседка-попрошайка каждый месяц приходит денег просить, и по-другому от неё не отвяжаться, кроме как посредством маленькой и невинной лжи. И главное, ребёнок узнаёт, что он всё поймёт, когда подрастёт, а пока думать об этом не нужно. Но он, конечно, всё равно об этом думает и делает определённые выводы.

– Очень интересная история, – Макс ненатурально развёл руками в деланном восхищении. – Только как это трогательное повествование связано с верой в самоотверженных водителей?

– Я к этому и веду, Макс, – сказал Мартин, плавно входя в поворот, – но издали.

– Это-то я заметил, – Максим хитро подмигнул проснувшемуся Сальватору.

– В общем, – продолжал Мартин, – мы с раннего возраста создаём для себя что-то вроде виртуальной схемы, где любые поступки имеют морально-этическую ценность. Эта схема, конечно, становится более сложной с возрастом, мир перестаёт быть чёрно-белым, появляются и другие оттенки, сама схема перестаёт быть двухмерной, в ней появляются и другие измерения. Но она всё про то же, про «что такое хорошо, и что такое плохо». Накладывая эту схему на воспринимаемый нами окружающий мир, мы можем ориентироваться в нём, понимая, где мы, или кто-то другой, поступаем хорошо, а где не очень. Я условно называю этот симбиоз окружающего мира и наложенной на него схемы «личной картой реальности». Тут тоже, казалось бы, всё достаточно ясно – этот поступок плох, этот – хорош.

– Всё ещё не вижу связи, – заявил Максим, заложив руки за голову и откинувшись назад.

– Уже скоро, – улыбнулся Мартин. – Любой человек рано или поздно попадает в ситуацию, когда нужно сделать выбор: нужно решить, поступить «правильно» или «удобно». Допустим, он выбирает вариант «удобно». Но затем, после, так сказать, свершения, он смотрит на свою личную карту реальности и видит, что поступок его, мягко говоря, не хорош. Его, как бы банально это ни звучало, начинает мучить совесть. И вот тут-то и проявляются последствия тех детских выводов, на которые я намекал выше. И тут есть два варианта. Один человек может решить, что поступать не по совести себе дороже, и в следующей ситуации, возможно, сделает выбор в пользу варианта «правильно». А другой человек может поступить хитрее. Так как он склоняется к варианту «удобно» или «выгодно», то есть предпочитает действовать по возможности без особых моральных, материальных и физических затрат, но и не хочет впоследствии страдать угрызениями совести, то он... просто меняет свою личную карту реальности.

– На что меняет-то? – зевая, спросил Макс.

– Ну, не меняет, а изменяет, – поправился Мартин. – Я недавно смотрел передачу об Эйнштейне и его общей теории относительности. Сама эта теория в данном случае не важна, но согласно ей, гравитация – это следствие искривления упругой ткани пространства-времени

под воздействием массы, и чем больше эта масса, тем сильнее пространство-время прогибается. Изначально это пространство идеально ровное, что-то вроде сильно натянутого батута. Но когда на него помещают массивный шар, например, солнце, полотно деформируется под его тяжестью и вокруг него образуется впадина в форме воронки. Вот то же самое происходит и с личной картой реальности человека во втором варианте. Он видит, что его поступок плох, но ему этого признавать не хочется. И он просто перетягивает свой поступок из зоны аморального, неправильного поведения, в зону... скажем, если и не хороших, то, по крайней мере, приемлемых поступков. В результате таких действий человек не страдает от несоответствия своим же моральным нормам, а его эго растёт и постепенно становится тяжёлым, как тот шар. Личная карта реальности неминуемо искривляется, прогибаясь под тяжестью эго. Причём эта деформация имеет не хаотичный, а вполне определённый характер. Примеры порядочных, честных и высоконравственных поступков других людей «эго-гравитация» цинично топчет в зловонной луже недоверия и подозрений, объясняя их скрытыми корыстными мотивами и глупостью. Параллельно этому аморальные действия, как свои, так и чужие, всячески оправдываются аргументами типа «да все так делают», «ситуация вынудила» и «цель оправдывает средства». Можно сказать, что в человеке происходит процесс выворачивания ценностей наизнанку.

– Чёрное белым сльвёт, уродство сльвёт красотой, великое – малым, а грязь – чистотой, – продекламировал Сальватор с выражением, потом добавил: – Ибсен сказал.

– Угу, – согласился Мартин. – И в результате мир человека превращается в место, где такие понятия, как честь, самоотверженность, альтруизм и милосердие – чистая абстракция. И потому он действительно начинает верить, что благородные и достойные поступки совершаются только в кино и книжках – ведь в его картине мира такое невозможно.

– Путано, конечно, но здоровое зерно есть, – серьёзно сказал Макс. – А на счёт водителя, там, и всего остального – это я вредничал просто...

Мартин хотел было что-то ответить, но в этот момент Алекс замахал руками, указывая куда-то за лобовое стекло.

– Что это?

Из-за поворота показался фасад здания, напоминающего готический замок, и все переключили внимание на него. Вид открывался поистине потрясающий: на фоне заката возвышались две высокие мощные башни, похожие на шахматные ладьи, с высокими арочными окнами. Между ними на несколько метров вперёд выступала крепостная зубчатая стена центрального здания, увенчанная двумя угловыми башенками с коническими крышами, над которыми развивались длинные узкие стяги. Над украшенным колоннами арочным входом нависал массивный балкон, из-под которого гневно взирала на невидимую жертву разверзшая зубастую пасть огромная драконья голова. Крылья дракона, словно сидящего внутри здания, выступали из-под ещё двух балконов поменьше, упирающихся ступенчатыми опорами в боковые стены здания. Обвивая колонну, слева от входа изгибался покрытый мраморными чешуйками драконий хвост, кончик которого был почему-то придавлен каменной плитой крыльца. Перед зданием раскинулся украшенный фонтаном двор с несколькими рядами невысоких аккуратно стриженных кустов, из-за которых поднимались резные беседки. Во дворе стояло несколько десятков припаркованных автомобилей. Всё это отделяла от возможных незваных гостей решётка высокого кованого забора.

– Это пункт нашего назначения, – довольный произведённым эффектом Мартин направил свой Хб к воротам, которые открылись навстречу подъезжающему автомобилю.

– Это, несомненно, впечатляет! – Максим развёл руками. – Но, может, теперь ты расскажешь, что мы здесь делаем?

– Мы приглашены на раут к владельцу замка. Кроме того, Алекс говорил, что вы думаете о расширении бизнеса, и я кое с кем переговорил. В общем, это тот редкий случай, когда можно действительно совместить приятное с полезным.

Въехав в ворота, автомобиль медленно покотился к входу в замок, и Алекс отметил про себя, что двор на самом деле значительно больше, чем казался издали. Остановив машину в нескольких метрах от входа, Мартин открыл дверь и выскочил наружу. Алекс чуть замешкался – ему хотелось взять библиотечную подшивку с собой, но это показалось ему неуместным, и он решил оставить её в машине. Когда он перегибался, чтобы положить папку на заднее сиденье, что-то больно вонзилось ему в бедро. Алекс сунул руку в карман и нащупал там недавний подарок – брошку в виде цветка мака. Чуть подумав, он приколот её к вороту рубашки и вылез из автомобиля.

У входа их встретил швейцар в чёрном фраке, бабочке и цилиндре. Он поклонился и открыл перед гостями массивную дверь, ведущую в просторный холл. Войдя внутрь, Алекс подумал, что передняя не просто просторная – изнутри здание, как и двор, казалось большим, чем снаружи. Вдоль высоких, уходящих вверх на добрых шесть метров стен, оканчивающихся перилами второго этажа, стояло множество чёрных с золотым статуй. Они изображали полуобнажённых людей в набедренных повязках, замерших в разных позах. У некоторых на головах были древнеегипетские короны, похожие на вытянутые луковицы со страусиными перьями по бокам и украшенные уреем, и полосатые платки (Алекс вспомнил, что такой платок назывался клафтом). На других были маски быков, ястребов и крокодилов. Некоторые сидели на золотых тронах со скипетрами и бичами в руках.

Стены также были разрисованы сценами из жизни древнеегипетских богов, фараонов и жрецов. Они молились, приносили дары, собирали виноград, охотились, строили храмы, в общем, занимались своими повседневными делами. Но внимание Алекса привлёк один рисунок, выбивающийся из общего хора. На нём был изображён бог Анубис, перед которым лежали спящие люди. То, что они именно спят, а не, например, мертвы, Алекс догадался по исходящим из их голов картинкам. Это было похоже на изображения мыслей или снов у героев современных комиксов. Над спящими стоял человек в наброшенной на плечи шкуре ягуара с анхом на груди. Одной рукой он брал какой-то сосуд из рук Анубиса, а другой, как сеятель с полотна Ван Гога, разбрасывал семена в исходящие из голов спящих людей картинки. От рисунка веяло чем-то древним и гнетущим, как-будто могущественная рука забытого бога протянулась из своего далёкого времени и коснулась сердца Алекса, привнеся в него замогильный холод и животный ужас первобытного мира.

Алекс потряс головой, отгоняя наваждение, и продолжил осматривать помещение. Широкая красная ковровая дорожка с золотым узором по краям простиралась от входа до двух изогнутых лестниц, ведущих на второй этаж. Между лестницами стояла ещё одна статуя жреца, в накидке и маске. Справа от неё виднелась небольшая дверь, украшенная глазом Гора.

– Сюда, пожалуйста, – бесстрастным голосом произнёс неизвестно откуда появившийся человек в такой же накидке, как на каменном жреце, и с позолоченной маской в руке. Он указал рукой на маленькую дверь и застыл в позе покорного ожидания. Алекс понял, что это кто-то вроде дворецкого. Мартин прошёл вперёд и, обернувшись, с заговорщической миной сказал:

– Тут особый ритуал соблюдать надо. Но сейчас сами всё увидите.

Протиснувшись в дверцу, друзья оказались в небольшом плохо освещённом гардеробе, посреди которого стояли кронштейны с вешалками; с них ниспадали чёрные, синие и золотые накидки. На стенах, на специальных крючках, висели маски разных птиц и животных. Алекс примерил синюю накидку. Она крепилась на груди чем-то вроде заколки в виде жука скарабея. Осмотревшись, он выбрал маску чёрной птицы с длинным золотым клювом.

– А почему здесь всё такое египетское? – спросил Макс, облачённый в золотую накидку и примеряющий маску крокодила.

– Владелец замка – очень влиятельный человек и, как водится у таких людей, со своими заворотами, – проговорил Мартин, пытаясь заколоть на могучей груди края накидки. – Он считает, что является потомком и приемником древнеегипетских жрецов.

– Ур Хеку Холдун действительно прямой потомок великого рода, берущего своё начало ещё в додинастический период Древнего Египта, – дворецкий говорил так же бесстрастно и в той же подобострастной позе. – Он является хранителем священных тайн и светским администратором, верховным жрецом.

– Как зовут колдуна? Ур Хеку? – съязвил Макс.

– Его зовут Холдун-Небтон, – дворецкий всем своим видом являл невозмутимость. – Ур Хеку – это титул. Ур означает, что это не просто жрец, а верховный жрец, а Хека – это божественная сила, хранителем которой является жрец. Ур Хеку – Обладатель священных сил.

– А, ну понятно, – Макс весело подмигнул Сальватору, который из-за своей сутулости в чёрной накидке и маске ястреба походил на героя из мультфильма про халифа-аиста.

Когда вновьприбывшие были переодеты, они прошли за дворцом через ту же маленькую дверь обратно в холл и поднялись по одной из лестниц на второй этаж. Пройдя через исписанную египетскими иероглифами двустворчатую арочную дверь, они очутились в тронном зале. Большие золочёные люстры с огромным количеством настоящих свечей висели под потолком на тонких золотых нитях, освещая зал ровным ярким светом. Вдоль высоких стен, украшенных гобеленами и картинами в тяжёлых резных рамах, стояли длинные чёрные столы с напитками и закусками. Пол зала был выложен мозаикой. И мозаика, и картины на стенах изображали всё те же древнеегипетские сюжеты. В конце зала на возвышении стоял трон с высокой чёрной спинкой и золотыми подлокотниками в завитушках.

В помещении было довольнолюдно. Мужчины были в таких же накидках и масках, дамам же местный дресс-код очевидно позволял не скрывать своих вечерних платьев под этими мешковатыми хламидами, и они разбавляли чёрно-сине-золотое собрание палитрой радужных красок и глубокими вырезами. Лица их, тем не менее, были частично скрыты под изящными венецианскими полумасками – коломбинами, которые дамы держали в руках за специальные длинные рукоятки. Другие были в бархатных овальных масках, закрывающих всё лицо и без прорези для рта. Алекс когда-то читал, что такие маски держатся на лице за счёт штырька, зажимаемого в зубах, лишая даму возможности говорить. Среди гостей Алекс, не смотря на маски, узнал нескольких российских поп-звёзд, а также представителей других профессий, чьи лица не менее часто мелькали в телевизоре.

– На фига ему трон? – спросил Макс, ни к кому конкретно не обращаясь.

– А на фига тебе телефон с экраном как у телевизора? – в тон ему спросил Мартин.

– Я по нему звоню. И там ещё куча функций, которые мне помогают в работе и не только.

– А Холдун на троне сидит. И там ещё куча функций, таких же, как в твоём телефоне, только круче.

– Ну, какие, например? – в голосе Макса чувствовалась нервная озабоченность.

– Например, твой телефон позволяет тебе испытывать чувство собственной значимости всего несколько секунд, когда ты его только достал и засветил. А трон не только растягивает это ощущение во времени, но и внушает окружающим чувство ущербности, независимо от того, насколько крутые у них телефоны.

Макс с ненавистью поглядел на Мартина, пытаясь найти убийственный ответ. Но нервное возбуждение и направленные на него взгляды стоящей рядом компании не давали ему собраться с мыслями, и ум неизбежно съезжал в рефлексию.

– Так, давайте только без психоаналитики обойдёмся, – вмешался Алекс. – Пойдёмте лучше попробуем местную кухню.

Алекс указал в направлении ближайшего стола, заставленного закусками, возле которого стояла группа дамочек «за тридцать». Одна из них явно доминировала над подругами, купа-

ясь в лучах их завистливого внимания. Она была одета в красное с глубоким декольте платье с косым срезом, одним углом касающимся пола, и золотые греческие сандалии. В руках она держала красную полумаску на тонкой золочёной ручке, украшенную радужной расцветки перьями, и высокий бокал с какой-то красной жидкостью. Слегка облокотившись бедром о край стола, она задорно хохотала.

До ушей Алекса донеслись обрывки их разговора.

– Забрала у него всё, даже собаку! – весело заявила она.

– Ты что, будешь теперь гулять сразу с двумя собаками? – удивлённо развела руками одна из окружающих её подруг.

– Ну, ничего. Сразу с тремя козлами я уже гуляла, что уж с собаками-то! – и она снова залилась заразительным смехом.

– Смотри, какие весёлые фройлен, – глаза Сальватора засветились. – Давайте познакомимся с ними?

– Старые они какие-то, – Максим, успевший получить коктейль от снующего между гостями официанта, уже приходил в хорошее настроение и тоже высматривал потенциальных собеседниц.

– Ты же не варить их собираешься! – заметил Сальватор. Он любил в часы досуга просматривать советские киноленты в поиске ярких цитат, которые потом можно было удачно вернуть в разговор. Ему казалось, что это делает его оригинальным.

– Варить? – Макс хитро взглянул на товарища. – Варить нет, – жарить!

Прошло уже около получаса, но никакого официального открытия приёма не происходило. Присутствующие плавно перемещались по залу, то собираясь в небольшие группы, то снова рассыпаясь на пары и отдельные фигуры. Со стороны это напоминало лёгкое волнение морской глади у шлюпочной пристани.

Мартин обсуждал какие-то деловые вопросы с невысоким смуглым человеком в чёрной мантии.

– Главный прокурор Бургаса, – с уважительной интонацией в голосе заметил Сальватор, указывая в их сторону.

Прокурор поглаживал маску волка, которую держал в руке, и, плавно покачивая головой, с полуулыбкой на лице смотрел куда-то в сторону от Мартина. Казалось, что он не слушает собеседника, а вспоминает какую-то приятную мелодию.

Сальватор и Максим что-то наперебой рассказывали хохочущей даме в красном и её подругам. При этом Сальватор раздавал присутствующим свои визитные карточки, а Максим с настойчивостью водяной мельницы опрокидывал в себя коктейли. Хотя настойчивость тут, как и в случае с водяной мельницей, была ни при чём. Мельница ведь не выбирает, в поворотах её колеса нет волевого акта. Как потоки воды толкают её лопасти, так и бессознательные потоки заблудившейся психической энергии толкают зависимую личность рюмка за рюмкой к иллюзии всё большего и большего счастья. Такая личность, отхлебнув мохито или лонг айленда, вдруг чувствует, что, послав на хрен внутреннего цензора, высвобождается из-под пластов постоянно гнетущих её комплексов и ощущает ни с чем не сравнимое чувство временной свободы. И в надежде продлить эйфорию и сделать это чувство безграничным отдаётся на волю тёмных импульсов бессознательного. Но ведёт это не к всепоглощающему счастью и свободе, а к очередному случаю алкогольной интоксикации, девиантному поведению с последующим моральным и физическим похмельем, во время которого посланный накануне цензор возвращается ещё более непримиримым, неся с собой кандалы, семихвостую плеть и клещи.

Алекс, стоящий чуть в стороне от товарищей, с опаской поглядывал на радостного Максима. Но тот пока держался хорошо. Окружающие его дамы счастливо хихикали и пока

не шарахались от него, как это иногда случалось, а наоборот, радостно внимали его шуткам и интересным фактам, почёрпнутым накануне со страниц свободной энциклопедии.

Вскоре Алекс обратил внимание на быстрые и в то же время малоприметные перемещения обслуживающего персонала (их можно было узнать по белым перчаткам и отсутствию масок). Одни служащие закрывали прозрачными полукруглыми щитами висящие на стенах факелы, которые Алекс сначала принял за декоративные; другие вынесли огромное металлическое блюдо, метра три в диаметре, и установили его в специальное углубление в полу между тронем и гостями. В него большим костром сложили деревянные поленья и подожгли. Было непонятно, как достигался такой эффект, но в зале абсолютно не чувствовалось запаха дыма. Алекс не заметил, как потушили свечи под потолком, но Сальватор объяснил, что это было сделано при помощи каких-то пневматических устройств в потолке, резкими порывами вытягивающих в себя огонь с фитилей.

Теперь зал изменился: разгорающийся костёр и факелы на стенах выхватывали из темноты звериные маски гостей, по стенам и потолку плясали зловещие тени. Разговоры притихли, и стал слышен треск пылающих поленьев. Взоры гостей были обращены к трону, он находился за костром на возвышении, и поэтому казалось, что он парит над пылающим блюдом. Языки пламени играли на его золотых частях, которые, казалось, тоже горят настоящим огнём.

Раздался звук гонга, и из-за трона вышел человек в белом хитоне с наброшенной поверх шкурой какого-то животного. Алекс подумал, что это ягуар, но уверенности не было. Человек сел на трон и положил руки на подлокотники. Над залом снова разнёсся звон гонга и перед костром появились четыре женщины. Они были обнажены, только бёдра прикрывали повязки из золотой ткани, а на груди лежали широкие ожерелья из золотых пластин, напоминающие чешую пушкинской рыбки. Заиграла какая-то древняя ритмичная музыка – Алекс ничего подобного никогда не слышал и подумал, что такие мотивы действительно могли быть в древнем Египте. Женщины у костра поклонились сидящему на троне в каком-то растянутом поклоне, как будто выполняли асану, затем повернулись к гостям и стали синхронно выполнять причудливые движения под музыку, останавливаясь после каждого па, словно ожидая, чтобы присутствующие повторяли вслед за ними. К удивлению Алекса, люди в зале действительно стали повторять за танцующими. Он обернулся на Мартина – тот двигался вместе со всеми. Рядом с ним чуть согнувшись и весело сверкая глазами из-под маски крокодила, задорно отплясывал Максим. Никого, кроме Алекса, похоже, происходящее не удивляло, он пожал плечами и тоже стал повторять движения странного танца.

Движения были довольно простыми, хотя и необычными, и часто повторялись, поэтому, сначала Алексу всё это казалось смешным. Но ритм нарастал, и Алекс вдруг почувствовал, что ему нравится эта пляска, что она уносит его куда-то из этого цивилизованного мира в царство утерянной свободы. Он чувствовал, как что-то древнее и дикое объединило всех присутствующих, и они слились в один единый организм, пляшущий у ритуального огня. Каждый звук, каждый удар невидимого барабана отражался синхронным движением десятков тел, и Алекс чувствовал это движение в каждом из них, как в своём собственном. Он как будто стал частью этого пляшущего существа и двигался не по своей воле, а подчиняясь нервному импульсу, общему для всех. Сам же он мог только наблюдать за происходящим, словно со стороны и одновременно изнутри. И это ощущение приносило какое-то странное удовольствие.

Алекс всё глубже проваливался в транс. Окружающее было уже где-то далеко, словно он наблюдал за происходящим из-под толщи воды. Ритм всё ускорялся. Языки огня вырывали из мрака извивающиеся уродливые фигуры полулюдей-полуживотных. По стенам метались зубастые и клювастые тени. Всё смешалось в диком демоническом хороводе, и над всем этим клокочущим и бурлящим морем тел возвышался мерцающий в свете огня трон с сидящей на нём неподвижной фигурой Ур Хеку Холдуна.

Когда Алекс пришёл в себя, он сидел на скамье у стены, возле столика с фруктами. Зал снова был залит ровным светом тысячи свечей, факелы были погашены, блюдо с костром тоже исчезло. Присутствующие преспокойно выпивали и закусывали, ведя светские беседы, словно не участвовали только что в дикой пляске. Только сбившиеся набок локоны у одной-другой дамы, да капельки пота на лбу напоминали о происходившем. Алекс взглянул на трон, тот был уже пуст.

Прямо напротив Алекса, чуть оперевшись бедром о невысокий столик стояла женщина в красном платье. Это была та дама, которая говорила с подругами о собаках. Она изучающе смотрела на Алекса, слегка покачивая в его сторону стройной ножкой в золотой сандалиии. Поймав Сашин взгляд, она звонко рассмеялась.

– Впервые на... подобном балу? – спросила она, продолжая с любопытством его разглядывать.

– Это так заметно?

– О, да! – и она снова звонко засмеялась.

– И часто случаются такие балы? – Алекс был несколько смущён её нескромными взглядами и хотел переключить внимание с себя на что-то другое.

– Трижды в год, – женщина склонила голову набок и задумчиво посмотрела на собеседника. – Но этот раз, я чувствую, будет особенным.

– Правда? – Алекс заёрзал на скамейке, ему почему-то стало неловко. – А что дальше в программе вечеринки?

– О, дальше всё очень романтично, – женщина сладко улыбнулась. – Будем срывать звёзды с неба, а когда оно станет совсем чёрным, сможем познакомиться поближе. Не проводишь меня на воздух?

– На воздух я бы не советовала, гроза надвигается.

Алекс не заметил, как к ним подошла миниатюрная брюнетка в вечернем чёрном платье. Она стояла, оперев левую руку в бок, а правой держала сигарету в длинном изящном мундштуке и с нескрываемой критичностью разглядывала даму в красном. Остановив пробегающего мимо официанта, она взяла с подноса меню, коротко глянула в него и вернула назад.

– Я так и думала, филе в меню нет, – она покачала головой и укоризненно посмотрела на женщину. – Дамочка, к нам со своим нельзя!

– Что? – не поняла та.

– Что, что... – брезгливо ответила брюнетка, – жопу со стола убери, вот что!

Та сначала взвилась, но вдруг как будто увидела в глазах собеседницы что-то такое, что заставило её испугаться. Она побледнела и быстро, не говоря ни слова и даже не взглянув на Алекса, скрылась среди гостей, словно нырнула в воду.

Брюнетка оценивающе посмотрела на Алекса.

– Ну, как? Успел в себя прийти после танцев?

– Вроде как...

– Ну, пошли тогда, – она потушила окурок в пепельнице, которую поднёс невесть откуда взявшийся официант. – Хозяин хочет с гостем познакомиться.

Выйдя из зала, они очутились в узком длинном коридоре.

– Понравились танцы?

– Несколько необычно, я бы сказал, – немного растерянно проговорил Алекс. Чуть подумав, он добавил: – Вообще, всё смахивало на какой-то шабаш.

– Острый ум... – задумчиво проговорила брюнетка, ни к кому как бы не обращаясь, затем уже с лёгкой насмешкой спросила. – Не огорчён, что нарушила вашу идиллию с той дамочкой? Сейчас бы, наверное, уже воздухом дышали, или что она там тебе предлагала.

– Собирать звёзды, – Саша слегка усмехнулся. – Да нет, не огорчён. Она показалась мне... слишком напористой, что ли.

– Сжечь чёрную корову не предлагала?

– Нет, – вопрос ему показался странным, но переспрашивать он не стал. С полминуты они шли молча.

– А почему эта женщина так тебя... Мы ведь на «ты»? – Алекс вопросительно посмотрел на спутницу.

Та кивнула.

– Почему она так испугалась тебя? – спросил Алекс.

– Может быть, она испугалась не меня, – спокойно ответила девушка и остановилась у двери, обитой чёрным бархатом с золотой табличкой. – Но мы уже пришли. За этой дверью тебя ожидает Ур Хеку Холдун-Небтон. Удачи в переговорах.

И она развернулась, чтобы уходить, но вдруг обернулась и как-то по-свойски взглянула на Алекса.

– Он, конечно, очень необычный человек, но всё-таки человек. Не воспринимай его слишком уж серьёзно.

С этими словами она, не прощаясь, пошла по коридору в обратном направлении, на ходу достав откуда-то телефон, и стала кому-то набирать. Про Алекса, казалось, она тут же забыла.

Саша проводил её взглядом и пожал плечами. «Интересно, – подумал он, – чего она хотела добиться этой фразой? Успокоить меня? Кажется, после этого утешения я как раз начал немного нервничать...»

Он взялся за ручку двери. На табличке было выгравировано число «418». Под цифрами был всё тот же глаз Гора. Алекс открыл дверь и вошёл внутрь.

Он оказался в просторном, полутёмном, но несколько пустоватом кабинете с красивой дубовой мебелью. Вдоль стен тянулись высокие, до самого потолка стеллажи с книгами в дорожных переплётках. Посреди помещения, растопырив массивные ножки, стоял чудовищного размера стол с лежащими на нём книгами и регистрами. Там же, среди книг, покоилась очень тяжёлая на вид бронзовая подставка с чернильницей и самыми настоящими гусиными перьями. К столу были придвинуты три громоздких стула с подлокотниками и высоким спинками. Во всю противоположную от входа стену располагалось окно, выходящее куда-то во внутренний двор (на улице было уже совсем темно). В кабинете никого не было.

– Сюда, сюда проходите, – послышался откуда-то бодрый голос.

Алекс прошёл вглубь кабинета и только тогда заметил в правой стене за стеллажами малоприметную дверцу. Она была чуть приоткрыта, и сквозь щель лился ровный яркий свет. Войдя в неё, Алекс удивился резкому контрасту и даже несоответствию интерьера. Помещение, в которое он попал, трудно было описать. Это было какое-то нагромождение бледно-голубых и фиолетовых геометрических фигур и изломанных линий из мутноватого покрытого бликами света пластика. Более всего увиденное Алексом напоминало офис какой-нибудь коучинговой компании, созданный специально для зомбирования сотрудников и выхолащивания из них любых потребностей и желаний, не относящихся напрямую к обогащению компании. Стены и плиточный пол были бледно-голубого, почти белого цвета. Посередине помещения красовался фиолетовый стол, развёрнутый к двери. Большой плоский монитор занимал треть его поверхности, кроме него на столе стояла бросающаяся в глаза ядовито-зелёного цвета подставка для ручек и золотая фигурка трёхлапой китайской жабы с монеткой во рту. Из-за стола выглядывала спинка неудобного пластикового кресла. Дальше, вплотную к стене размещался такой же фиолетовый шкаф с дверцами из матового стекла. Слева от стола находился ещё один шкаф, платяной, и стол с офисной техникой, а за ними чуть влево уходил небольшой аппендикс, еле заметно выделенный цветом (стены и плитка были серо-белыми). В нём был только стол для конференций, тоже фиолетовый, рассчитанный на дюжину человек, и кофемашина.

За столом сидел смуглый мужчина с острым хищным лицом и быстрыми чёрными глазками. На вид ему было около пятидесяти. Мужчина был в бежевом летнем костюме, из-под которого виднелась чёрная футболка с какой-то надписью, выведенной посреди груди белой краской. Прочитать её Алексу не удалось, но вроде это была арабская вязь. Перед ним на столе лежала худая синяя папка, которую он только что прикрыл.

– Прошу, присаживайтесь! – встал он навстречу Алексу и указал на кресло напротив себя. – Чего-нибудь выпить? Чаю или чего-то покрепче?

– Спасибо, угощение было отменным, – Алекс попытался любезно улыбнуться, но улыбка вышла натянутой.

– Ну, что ж, тогда сразу к делу? – Холдун внимательно и изучающе посмотрел на собеседника. – Или что-то смущает? О чём-то хотите спросить?

Нельзя сказать, что Алекса ничего не удивляло и ничто не вызывало вопросов. Совсем наоборот. Но именно из-за того, что странным представлялось так многое, ему вдруг стало казаться, что во всех этих странностях по сути ничего удивительного и нет. Как-будто не увиденное им сегодня в этом замке, да и сам замок, были чем-то из ряда вон выходящим, а это он сам выбивался из общего, пусть и причудливого хора. И это своё несоответствие окружающей действительности стало вдруг казаться ему самому чем-то постыдным и ханжеским. Но чтоб не показаться лицемером, Алекс всё-таки спросил:

– Почему здесь столько фиолетового? Это довольно тяжёлый цвет.

– Узнаю психолога! – вежливо улыбаясь, воскликнул Холдун. – Помнится, Вундт считал фиолетовый цвет источником мрачной меланхолии и взволнованно-тоскливого настроения. Но это он больше говорил о сумеречных оттенках, ближе к синему. Мне же кажется, что в фиолетовом есть тайна. Этот цвет удивительным образом увеличивает чувствительность и интуицию и помогает стирать грань между реальностью и мистикой. Как вам кажется?

– Мне кажется, что эта грань сегодня уже порядочно поистерлась.

– Что ж, возможно это не так и плохо, – задумчиво произнёс Холдун, глядя куда-то в сторону. Затем он снова взглянул на Алекса своим пронизывающим взглядом. – Алекс – это Алексей или...

– Александр.

– О, конечно! Александр. Мужественный защитник. По крайней мере, древние эллины вкладывали в это имя именно такое значение. Однако величайший из них, называвшийся этим именем, более преуспел в нападении. А как вы, Александр, можете играть в нападении? Впрочем, не спешите с ответом – вскоре всё выяснится само собою.

– Ур Хеку, я...

– О, прошу вас, называйте меня просто Холдун. Или на манер моих восточных деловых партнёров – Холдун Небтоныч, – улыбнулся Холдун.

– Холдун Небтоныч, – Алекс откинулся на спинку стула. – Я, признаться, не вполне пока понимаю, о чём идёт речь.

– Конечно, не понимаете, – улыбнулся он. – Мы ведь ещё не начали говорить о деле. Я хочу нанять вас. Мне нужны специалисты, подготовить которых я хочу доверить вашему бюро. А если быть точным, то именно вам.

– Почему именно мне? – Алекс вопросительно посмотрел на Ур Хеку.

– Потому что мне вас рекомендовал Мартин, а я доверяю его мнению. Он занимается тем, что находит для меня идеально подходящих под определённые задачи людей и пока не подводил меня. Видите ли, я предпочитаю работать с людьми, обладающими не только необходимыми для дела профессиональными качествами, меня волнуют и другие параметры. Подбирая сотрудника, как и ища партнёра по бизнесу, я составляю очень подробный психологический портрет претендента. И найти удовлетворяющего ему специалиста задача отнюдь не простая.

Вы мне подходите идеально. Итак, в ваши задачи будет входить подготовка штата сотрудников для выполнения специфических, я бы сказал, несколько необычных задач.

– Насколько необычных?

– Настолько, что вам придётся самому пройти подготовку, чтобы, что называется, «изнутри» познакомиться со спецификой работы. Обучение может занять некоторое время. И это время, конечно, будет оплачено отдельно, – Холдун выжидающе посмотрел на Алекса, при этом он несколько раз постучал пальцами по лежащей на столе папке.

– И всё-таки хотелось бы больше конкретики, – Алекс перевёл взгляд с Ур Хеку на папку и обратно, словно подозревая, будто содержимое папки может пролить свет на предмет беседы. – Чему я буду обучаться и в чём будет состоять непосредственно задача.

– Задача ваша и подготавливаемых вами специалистов будет состоять во внедрении необходимых идей определённым людям.

– Каких именно идей?

– Различных, – Небтон сложил пальцы домиком и, развернув их как копыя в сторону своего визави, стал мелко и часто покачивать ими, словно пытаясь проколоть невидимую преграду между собой и собеседником. – Каждый раз это могут быть совершенно другие идеи, в зависимости от того, в чьё сознание они будут внедряться. Необычность, скорее, не в самих идеях, а в способе их внедрения. Но позвольте мне начать сначала, мне бы хотелось, чтобы вы увидели всю перспективу предстоящей деятельности.

Алекс чуть отклонился влево, словно пропуская мимо нацеленные в него копыя пальцев, и медленно кивнул.

– Будьте любезны. С начала, так с начала. Времени у меня много, – проговорил он, снова посмотрев на синюю папку, лежащую перед Ур Хеку.

– Спасибо. Скажите, Алекс, как по-вашему, в какую идею человеку проще всего поверить? Что он склонен считать истиной скорее всего другого?

– То, чему он находит подтверждение...

– Где же?

– Надо полагать, в шевелениях собственной души, – философски отметил Алекс.

– Прекрасно! – Холдун всплеснул руками в театральном восхищении, впрочем, не слишком искреннем, так что при желании в него можно было поверить. – Мартин был совершенно прав, рассказывая мне о вас. Именно! Именно в собственной душе человек хочет видеть подтверждение тем истинам, которые непрерывным потоком льются на его сознание извне. Но откуда ему, этому подтверждению, там взяться?

– Ну, не знаю... – Алекс задумчиво потёр ладонью лоб. – Мне кажется, поверить какой-либо идее человека заставляет предшествующий жизненный опыт. Хотя бывает и наоборот, словно вопреки всему предыдущему человек проникается чем-то новым, отличным от всего знакомого и привычного, интуитивно чувствуя, что это новое истинно, а остальное, что было раньше, ложно.

Холдун посмотрел на Алекса своим сверлящим взглядом, словно пытаясь заглянуть внутрь черепной коробки, и улыбнулся. Потом сказал уже совсем по-другому, просто и спокойно, без театрального драматизма.

– Очень хорошо. Вы затронули сейчас основную проблему, с которой вам и придётся работать. То интуитивное чувство, о котором вы говорили, возникает, когда свежей идее удаётся пробиться через цензуру и получить шанс быть воспринятой непосредственно. Но такое случается нечасто, так как на страже стоят различные впитанные в детстве установки родителей, жёсткие стереотипы, некритично воспринятые социальные представления. Кроме того, против нового часто работают и различные защитные механизмы, оберегая свои вторичные выгоды. И не мне вам, психологу, рассказывать, как непросто, а иногда и вовсе невозможно пробиться сквозь всё это полчище.

Холдун замолчал и выжидающе уставился на собеседника. Алекс пожал плечами и с некоторым нетерпением, чувствуящимся в его голосе, сказал:

– Да, работа психолога отчасти заключается в том, чтобы помочь клиенту разобраться в установках и стереотипах и научиться новому поведению. Но я всё ещё не понимаю, к чему вы клоните, Холдун Небтонович?

Холдун улыбнулся ещё шире, затем наклонился к Алексу и вкрадчиво спросил:

– А что бы вы сказали, если бы все эти преграды и защиты можно было обойти разом, и за один короткий сеанс полностью изменить мировоззрение человека?

Алекс никак не отреагировал и, молча глядя на Ур Хеку, ждал продолжения.

– Вы сомневаетесь, что это возможно? – не выдержал Холдун.

– Я допускаю, что теоретически возможно всё что угодно. Но у вас, я так понимаю, есть практическое решение этого вопроса.

– Решение действительно есть, – очень спокойно и даже как-то разочарованно произнёс Небтон. – И я предлагаю вам его опробовать.

– А что, метод ещё не опробован?

– Ну, что вы, опробован, конечно. И результаты оказались очень многообещающими.

Холдун задумчиво смотрел на папку. Потом, как будто что-то решив, отодвинул её в сторону и поднял глаза на Алекса.

– Это, скорее всего, прозвучит как цитата из научно-фантастического романа, но мы уже давно живём в мире более фантастическом, чем тот, где жили герои старины Жюль. И никого это не только не удивляет, но и остаётся незамеченным для подавляющей части населения старушки Земли. Но, ближе к делу. Если коротко, метод этот позволяет специалисту, назовём его импортёром, погрузиться в очень глубокий транс, сохраняя при этом ясное осознание поставленной перед ним задачи. Импортёр опускается в глубины своего подсознания достаточно глубоко, пока не достигает коллективного бессознательного. Нужно сказать, что этот пласт психики является коллективным в полном смысле этого слова. То есть не одинаковым у каждого индивида, как думал Юнг, но общим для всех, как кухня в коммунальной квартире. Вы ведь такие застали? Так вот эта общая площадь даёт возможность, так сказать, нанести визит соседям. Импортёр, двигаясь в потоке коллективного бессознательного, посредством «дара червя» пробуривает себе коридор в персональное бессознательное клиента, где и выполняет необходимую работу. Можно сказать, что он проводит что-то вроде психологической консультации, но изнутри.

Только Ур Хеку договорил последнюю фразу, раздался мелодичный звонок телефона. Он достал сотовый из внутреннего кармана идеально сидящего на нём пиджака и, извинившись, отвлёкся на разговор. Пока Холдун слушал трубку, изредка вставляя короткие «да» и «нет», Алекс переваривал информацию. Всё это звучало слишком уж фантастично. И Саша, скорее всего, решил бы, что его разыгрывают, если бы услышанное удивительным образом не зацепило его за живое. Ещё в студенческие годы, изучая монографии Юнга и Ассаджолли, он написал небольшой рассказ о чудесном путешествии по реке вселенской энергии, куда вливаются психические потоки всех людей. Тогда он представлял себе, что если бы это было возможно, то он обязательно пустился бы в такое путешествие. Нельзя сказать, что Саша мечтал об этом серьёзно, скорее ему просто хотелось чудес. И теперь, хотя то, что говорил Ур Хеку, было невероятным и невозможным, но в то же время иррациональным образом подкупало Алекса. Кроме того, он не уловил ни одного признака, указывающего на то, что Холдун врёт. Хотя тот мог быть попросту сумасшедшим и потому мог сам верить в существование чудесного метода. И всё-таки, вопреки здравому смыслу, Алекса неудержимо влекла возможность пуститься в путешествие по практически неисследованному, девственному миру бессознательного. Настолько влекла, что он решил притвориться, что верит в эту возможность.

Но лишь только Алекс допустил такую вероятность, как его сознание наполнилось массой вопросов, и он с нетерпением ждал, когда Небтон закончит разговор по телефону, чтобы задать их. Заметив в себе это нетерпение, Алекс привычно зафиксировал своё состояние и переключил внимание на дыхание, усилием воли заставив себя успокоиться. Считая вдохи и отслеживая скачущие в голове мысли, Саша вернулся с необыкновенных горизонтов развернувшегося перед ним фантастического будущего в этот, по сути, единственно существующий момент, в «здесь и сейчас».

Успокоившись, Алекс подумал, что звонок, последовавший сразу за объяснением Ур Хеку, мог оказаться не случайным совпадением. Почему он так решил, он не знал сам. Возможно, такая подозрительность и граничила с паранойей, но в Сашиной жизни случались моменты, когда самые невероятные и нелогичные предчувствия оказывались верными. И он научился доверять интуиции. Невольная пауза в разговоре почему-то показалась Алексу запланированной и тонко просчитанной. Такая пауза могла предназначаться для того, чтобы собеседник пришёл в эмоциональное возбуждение, а осторожность и анализ отступили на задний план. Правда для осознанного использования подобных манипуляций человек должен бы был знать о студенческих фантазиях Алекса, да и вообще обладать сверхъестественной прозорливостью. И к тому же иметь хоть какие-то мотивы. Но чутьё говорило, что осторожность не повредит. Поэтому когда Ур Хеку закончил разговор по телефону и вернулся к беседе, Алекс спокойно ждал продолжения от Холдуна.

– Ну-с, что скажете, Алекс? Я вас заинтересовал?

– Не хочу лукавить, заинтересовали. Но поверить в возможность такого метода действительно сложно. И что это за «дар червя»? Вообще, если допустить, что всё, что вы сказали, не вымысел, то вопросов возникает много. У вас предусмотрена какая-то демонстрация метода?

– Безусловно, – Холдун улыбался. – И это как раз то, что я хочу вам предложить. Но демонстрация предполагает вас не в роли наблюдателя, а в роли непосредственного участника.

– Что это значит?

– Для подобного осознанного путешествия в глубины бессознательного необходимы специфические способности и умения. Они потенциально есть у всех, но степень их выраженности сильно варьируется от индивида к индивиду, и находятся они в спящем состоянии. Я предлагаю вам пройти обряд инициации, во время которого вы получите передачу и пробудите в себе «дыхание дракона». Это и есть те способности, о которых мы говорим. Вы спрашивали о «даре червя», это одна из таких способностей.

– Какие поэтические названия! – Алекс снисходительно улыбнулся, но решив, что перегнул с этой снисходительностью, быстро спросил. – Что это за обряд, в чем он заключается?

– В посвящении и передаче. Знаете, как ламы тибетского буддизма передают свои методы? Здесь – то же самое. Владеющий методом открывает энергоинформационный канал и передаёт знания ученику. Внешне всё выглядит как очень красивый ритуал, а на энергетическом уровне происходит присоединение энергочакровой системы ученика к божественному миру, откуда он черпает новые способности и знания. Если, конечно, вы во всё это верите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.